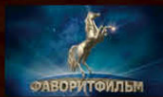

FILM.UA DISTRIBUTION

ФАВОРИТ-ФИЛЬМ

режиссеры Владимир Краснополюский, Валерий Усков

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

ВСЕНАРОДНО ЛЮБИМЫЙ СЕРИАЛ

ДОМ С ЛИЛИЯМИ

Елена Арсеньева

(по мотивам сценария Марии Бек и Елены Бойко)

СВОИ, РОДНЫЕ, НАШИ!

Всенародно любимый сериал «Дом с лилиями»

Елена Арсеньева

Свои, родные, наши!

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Свои, родные, наши! / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2015 — (Всенародно любимый сериал «Дом с лилиями»)

И снова кипят страсти в Доме с лилиями! Только-только наладились отношения между Родионом и Лилей, как она... безумно влюбилась в актера Германа Арефьева. Сколько же бед принесет всем эта запретная любовь! Обитателям рокового дома еще долго придется разрубать причудливые узлы судьбы, мучиться и радоваться, терять и обретать, пока наконец Дому с лилиями не исполнится сто лет – ведь именно на такой срок наложено старинное проклятье, по которому его обитатели не могут быть счастливы...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Арсеньева

Свои, родные, наши!

© Арсеньева Е., 2015

© ООО «Медиа Фильм Интернешнл», сценарий, кадры из сериала, 2014 год

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть первая

О том, что счастье – штука эфемерная, непрочная и непостоянная, известно вроде бы каждому и всякому. Однако этот каждый и всякий почему-то уверен, что именно его счастье окажется прочным и постоянным. Будет длиться вечно! До скончания времен! И он очень удивляется, когда однажды прочное здание его житейского и семейного благополучия, возведенное им с таким трудом и периодически тщательно ремонтируемое, не просто идет трещинами, а разваливается на мелкие кусочки, погребая под собой доверчиво расслабившегося простака.

Родион Камышев оказался одним из таких простаков...

С тех пор как он привез из роддома Лилию и Аришку, прошло пять лет. Его старшая дочь Катя, превратившаяся в сверх меры расфранченную красотку, не утратившую природной наглости и бесстыдно пользовавшуюся тем, что ее отец стал председателем ветровского горисполкома, училась на факультете иностранных языков в местном университете. Его средняя дочь Кира, своевольная и романтическая, заканчивала школу. Младшая – Аришка – была застенчивым тощеньким очкариком, предметом добродушных насмешек старших сестер и истинной отрадой отца и матери. Никто, кроме самого Родиона, Лили и Таисии Александровны Шульгиной, ее матери, не знал о тайне Аришкиного рождения, и тайна эта оберегалась так тщательно, что казалась забытой всеми давно и прочно.

Аришку Родион любил истово и самозабвенно. Когда росла Катя, он служил в армии, потом учился. С Кирой видеться ему было запрещено долгие годы. А детство Аришки, переполненное теми повседневными трогательными хлопотами, которые и заставляют любящих родителей спустя годы вспоминать даже болезни, даже грязные пеленки, даже ошалелые капризы своих чад с умилением и восторгом, прошло на его глазах, на его руках и под его присмотром. Родион любил Аришку... Однако даже самому себе он бы не признался в том, что и в этой чистой родительской любви он пытался одержать победу над истинным отцом Аришки, – так же как, еженощно предаваясь любви с женой, он пытался восторжествовать над человеком, который едва не увел от него Лилию.

Ну что же, он добился своего! Жена была с ним ласковой и страстной, совершенно как в первые месяцы их любовной истории; Камышевы казались поистине счастливой семейной парой – и где было Родиону знать, что в то самое ничем не примечательное, милое и обыденное утро, когда он кормил Аришку ненавидимой ею манной кашей и приговаривал: «За маму, за папу!» – что в это самое утро Сергей Морозов входил в лондонскую квартиру Германа Арефьева... и это означало начало крушения семейного счастья Родиона Камышева.

Сергей за это время сделался довольно известным и преуспевающим писателем. Он был приглашен в «Литературную газету» на должность спецкора и получил возможность ездить за границу. Он стал одним из тех немногих советских беллетристов, чья проза оказалась востребована и в Европе. Конечно, прежде всего его книги переводили в странах социалистического лагеря, но вот вдруг поступило предложение издаться в Великобритании. Это было особой ступенькой признания. Сергей не водил дружбы с диссидентами, не поливал грязью свою страну ни публично, ни в кулуарах, его проза была насквозь патриотична – однако именно это, возможно, и привлекло известного лондонского издателя Ивана Ростопчина, который искренне интересовался современной Россией, прежде всего потому, что сам происходил из семьи эмигрантов и не утратил духовной связи с родиной.

По его приглашению, а заодно и по делам редакции Сергей оказался в Лондоне, где первым делом разыскал Германа Арефьева. Когда-то они были знакомы и даже дружны: Сергей, который тогда начинал пробовать силы в драматургии, даже надеялся на протекцию Германа,

чтобы поставить свою пьесу в ветровском театре, однако, узнав, что Герман – любовник Лили, в гневе порвал все отношения с ним.

Но годы многое лечат... И старая дружба восстановилась. Сергей почти уверил себя, что с его старинной любовью и ревностью покончено навсегда и он интересуется Лилей исключительно потому, что она тоже вдруг стала писать, да настолько хорошо, что несколько ее рассказов были приняты в журнале «Юность». Этот журнал Сергей прихватил с собой и в Англию – чтобы познакомить своего издателя с интересными произведениями молодых и многообещающих советских прозаиков. А между тем в журнале была опубликована фотография Лили. И даже не маленькая еле различимая фотка, как обычно водилось в литературно-художественных журналах, а фотография всей ее семьи – аж на полстраницы.

Однако до издателя журнал не дошел, потому что Сергей имел неосторожность показать его Арефьеву.

Жил Арефьев на втором этаже дома на четыре семьи, с отдельным входом для каждой. Дом выглядел очень буржуазным – и в то же время очень богемным. Впрочем, богемной была прежде всего обстановка квартиры Германа: эти кирпичные нештукатуренные стены, разномастная мебель, какой-то вызывающий, почти эпатажный неуют – и в то же время отчаянное старание свить некое гнездышко для измученной, одинокой птицы. Герман рассказал, что более или менее прилично начал жить только теперь, когда поступил работать в русскую редакцию радио Би-би-си, а до этого хватил мурцовки вволю: и уборщиком был, и посуду мыл, и чуть ли не по мусорным ящикам побирался...

Однако теперь, на взгляд Сергея, выглядел Арефьев очень неплохо, куда лучше, чем во времена жизни в Ветровске. Вроде бы даже помолодел! Постригся, приоделся, бросил свои замашки вечного портоса и донжуана в одном лице, стал сдержанней, хорошо контролировал не только свои слова, но и эмоции – однако все это вдруг рассыпалось в прах, когда он взглянул на фотографию в журнале «Юность».

Странно – Сергей был убежден, что связь его приятеля с Лилей давно забыта. Однако на стене висел портрет Лили, а Герман чуть ли не с порога спросил, известно ли Сергею что-нибудь о ней.

Сергей достал журнал, отдал Герману и налил ему русской водки, а себе – виски.

– Счастливая советская семья... – с едкой печалью проговорил Герман. – Смотрят, улыбаются. – Он прочел вслух подпись под фотографией: – «Семья Камышевых: Родион, Лилия, Кира, Ариша...» – И голос его дрогнул:

– Ариша?! Не может быть...

Обернулся:

– Серега! А в каком месяце она родилась?

– Где-то в начале лета.

– Старик... – пробормотал Арефьев, смешно загибая пальцы, словно подсчитывал что-то. – Это моя дочь!

– Ты спятил, что ли? – расхохотался Сергей.

– Нет, – блаженно улыбался Арефьев. – По срокам сходится! Лилия... когда мы жили с ней, мы договорились: если у нас родится дочка, назовем ее Аришей. А теперь смотри! – Он ткнул пальцем в фотографию: – Она же... она же на меня похожа!

Нервно вскочил:

– Камышев... отобрал у меня любимую женщину, воспитывает мою дочь... Он выгнал меня из Союза! Лишил меня работы, театра! Ненавижу! Он искалечил меня... Видишь, два пальца, они до конца не сгибаются до сих пор.

– Я, конечно, осуждаю Камышева, но... – хмуро пробормотал Сергей, которого волновал и раздражал оборот, который принял их разговор, – но у тебя был роман с его женой, ты зашел на его территорию. Прости и отпусти, у тебя другая жизнь!

Арефьев схватил его за грудки:

– Как забыть, Сережа?! Я пять лет этим живу! Забудь! Ну, Ка-мы-ше-ев...

Опустил руки и вдруг спросил:

– Письмецо перевезешь?

Сергей молча отошел к книжным полкам.

– Сдрейфил? – с издевкой спросил Герман. – Уже наложил в штаны? А тебе ничего не будет за то, что ты здесь, в гнили капитализма, виски попиваешь? Не боишься, Сережа? А может быть, ты с органами того?.. – И Герман несколько раз выразительно стукнул согнутым пальцем по столешнице.

С тех самых пор много лет назад, когда Лиля его выгнала, обвинив в том, что он доносчик, провокатор, стукач и сексот, для Сергея Морозова не было более отвратительного и невыносимого упрека!

– Ты вообще тронулся? – рявкнул он на Германа. – Уже везде КГБ мерещится! Пиши свое письмо!

– Спасибо! – хлопнул его по плечу Герман и снова уставился на снимок: – Ариша...

Сергей тяжело перевел дух. Ну и идиот же он... Какой же он идиот! Везти письмо любимой – ладно, некогда любимой! – женщине от ее любовника – ну что за дурацкая ирония судьбы!

А взять слово обратно – неловко. Да и Германа жалко в его ссыльном одиночестве... Ладно, так и быть. В конце концов, ну что такое – письмо? Какой от него может быть вред?

* * *

Лиля проснулась рано, однако Родиона рядом уже не было. На его подушке лежал букет и стояла коробочка духов.

Лиля улыбнулась. Родион всегда вставал раньше – чтобы проследить, как завтракают девочки, и самому покормить Аришку. Но сегодня ведь Восьмое марта! Наверное, все еще спят, а Родион готовит праздничный завтрак.

Еще в полудреме она размышляла, стоит ли попросить мужа ей помочь... вернее, не ей, а всему театру, в котором Лиля по-прежнему работала завитом. Вчера Аркадий Хромов – главный режиссер – сообщил невероятную весть: труппу приглашают летом на шекспировский театральный фестиваль в Англию! Однако получить приглашение – это одно, а добиться разрешения на выезд – это другое. Начнут всех проверять до седьмого колена, искать случаи прицепиться ко всякой ерунде, чтобы не выпустить из страны, чтобы уберечь, так сказать, от тлетворного влияния Запада! Без своего человека в верхах тут не обойтись. А ведь муж Лили – председатель горисполкома. Пусть, умолял Аркадий, поможет пройти бюрократические препоны!

Сама Лиля ехать не собиралась: Аришка не вылезала из ангин и бронхитов, ее надо везти к морю, а не в Туманный Альбион. Но почему не помочь другим?

Что-то стукнуло в стекло. Почему-то вспомнилось, как давным-давно к дому снизу подходил Сережа и бросал в окно камушки, вызывая Карамельку погулять. Какой счастливой и беззаботной она тогда была, какой влюбленной! Каким простым все казалось! Как бы хотелось вернуть то блаженное время!

Лиля приподнялась, откинула тюль – и в первую минуту даже не удивилась, увидев внизу Сергея с букетом роз. Не сразу сообразила, что он явился не из ее воспоминаний, а в самом деле стоит внизу.

Замахала рукой:

– Заходи!

И тотчас спохватилась: надо скорей встать, одеться, встретить его внизу, в гостиной. Если Сергей столкнется с Родионом – не миновать неприятностей.

Она так разволновалась, что шелковый халат то и дело выскальзывал из рук, пояс никак не завязывался – и Сергей опередил ее, взбежал наверх и распахнул дверь в ее комнату. Он даже не задумался, что это может быть неудобно – ведь столько раз входил сюда запросто и даже в окошко влезал.

Лиля смущенно набросила покрывало на постель:

– Сережа...

– Здравствуй, Карамелька... – Протянул букет. – Ну, узнала?

Еще бы не узнала! Но он изменился. Взрослый, красивый, уверенный в себе мужчина, полуседой, что ему к лицу, небрежно-элегантно одет... и очень похож на того известного писателя Сергея Морозова, портреты которого Лиля не раз видела в газетах и журналах!

– Сколько же лет прошло, Сережа? – смущенно спросила она.

– Ну, если судить, глядя на тебя, то не больше месяца, – улыбнулся он. – А если на меня глянуть, вроде как целая эпоха прошла!

Сергей покосился в зеркало – и вдруг заметил на туалетном столике фотографию в рамке:

– О, Котька! Давно его не видел! Ничего о нем не знаю. Как у него дела-то?

– Он погиб еще в 76-м, – тихо ответила Лиля. – Официально считается пропавшим без вести, но известно, что его самолет разбился над... над чужой территорией. Понимаешь?

Сергей мрачно кивнул.

Чего тут непонятного? Самолет Кости совершал обычный стратегический полет. Произошла какая-то неполадка, самолет рухнул, разбился. Но никто не мог приземлиться там же и забрать Костин труп. Чужая территория! И... война. Поэтому официальная версия – пропал без вести, исполняя интернациональный долг.

– До сих пор не могу свыкнуться с этой мыслью, – продолжала Лиля.

Она глубоко вздохнула – всегда, когда речь заходила о брате, у нее перехватывало дыхание.

– Мне жаль... – пробормотал Сергей, беря Лилю за руку. – Я ничего не знал.

Он смотрел, смотрел – и постепенно в глазах его жалость и сочувствие сменялись чем-то другим...

Лиля отдернула руку:

– Не смотри так. У меня муж, семья. Вот, кстати, мои девочки.

Взяла с туалетного столика другой снимок:

– Вот это Кирочка. А это Аришка.

– Знаю, – кивнул Сергей. – Ариша... она – дочь Германа?

Лиля почувствовала, что у нее похолодели щеки:

– Что?.. Бред какой-то! С чего ты это взял?!

– Ну, он так считает, – пожал плечами Сергей. – Я был в Лондоне, в командировке. Мы с ним встретились, и он мне все рассказал. И про твоего мужа, и как Германа выгнали из Союза, как покалечили...

– Покалечили? – испугалась Лиля. – Я ничего об этом не знаю!

– Да... – Сергей достал из нагрудного кармана конверт и подал Лиле: – Вот. Это от него. Решай: хочешь – читай, хочешь – нет. Сама ведь только что сказала – муж... семья...

Лиля молча отошла к окну.

– Никогда бы не подумал, что стану посредником чьей-то любви, – угрюмо проговорил Сергей. – Особенно твоей. Черт знает что такое. Ни за что бы не передал письмо, если бы не обстоятельства. Герман там, за бугром, злой какой-то стал. Трудно ему пришлось. И голодал, и жил где попало...

Лиля смотрела в окно.

Сергей убрал конверт:

– Ладно... Что ему передать при встрече?

Лиля резко обернулась, протянула руку:

– Дай... Как он сейчас?

Сергей не успел ответить – из коридора раздался голос Родиона:

– Лиля!

Она едва успела сунуть конверт в карман, как вошел муж – в смешном переднике, веселый, беззаботный:

– Завтрак готов! – шутливо доложил он.

И осекся, увидев Сергея.

– Доброе утро! – решительно сказал тот, протягивая руку. – Сергей Морозов.

Он заметил, что Родион – суетливый, как бы даже испуганный, скандальный от неуверенности в себе, каким Сергей его запомнил в день свадьбы, – изменился. Немного раздался, посолонднел... И от него просто-таки разит сокрушительной уверенностью в своем праве быть хозяином этого дома и этой женщины!

Лицо Родиона приняло замкнутое выражение. Руки он не подал.

– Сергей Морозов? Это я помню, – проговорил холодно. – И что? Шли мимо и случайно заглянули в спальню к моей жене?

– Родь, прекрати! – смущенно воскликнула Лиля. – Сережа, ты подожди нас, пожалуйста, внизу, в гостиной. Ладно?

Сергей кивнул:

– Конечно.

Вышел. Он не собирался никого ждать внизу.

Вскоре за ним захлопнулась калитка.

«Зачем я приходил, дурак? – подумал зло. – Только сердце растревожил!»

И вдруг пожелал – ревниво, злобно, с ненавистью! – чтобы письмо Германа разбило вдребезги эту оскорбительную уверенность Родиона в своем сытом счастье!

Знай он, что желает Лиле новых бед и горестей – и каких! – он бы, наверное, взял обратно свое пожелание.

А может быть, и не взял бы...

Конечно, разразился скандал. «Я захожу, а ты полуголая, у тебя в спальне мужчина, который пожирает тебя глазами!» – неистовствовал Родион.

Лиля кое-как успокоила мужа, но конверт, который лежал в кармане халата, чудилось, прожигает ткань насквозь. Наконец она улучила момент спрятать его в карман просторного шерстяного жакета, который обычно носила дома.

Только позднее, уже днем, удалось пробраться в кабинет на первом этаже и там украдкой вскрыть конверт.

И стоило только взглянуть на эти слова, как Лиля забыла обо всем на свете: чудилось, снова зазвучал незабываемый любимый голос, который когда-то сводил ее с ума!

«Здравствуй, моя любимая Лилечка! Больше шести лет прошло, но я помню все до мелочей: твою улыбку, глаза, черточки... Все бы отдал, чтобы снова тебя обнять. Люблю тебя и нашу дочь. Как бы я хотел ее увидеть! Жаль, что это невозможно. Если захочешь меня услышать, то это вполне реально: каждый вечер на «Русском радио» после 24.00».

– После двадцати четырех ноль-ноль... – повторила Лиля почти испуганно. – На «Русском радио»!

Вообще-то было чего испугаться! Русская служба Би-би-си – это же один из «вражеских голосов»! Радиостанция, которая вещает на СССР с целью подорвать устои нашего строя, разложения наших людей! Родион иногда слушал американское радио «Свобода»: говорил, что

по долгу службы ему следует быть в курсе идеологических происков врага, – однако отзывался о передачах с брезгливым пренебрежением. Впрочем, Лилю никогда это не интересовало, она вообще чуждалась политики, да и неудивительно: дочь секретаря обкома партии, жена председателя горисполкома... у нее не было поводов жаловаться на «социалистическую действительность» и искать контактов с «загнивающим Западом». Она разделяла брезгливое пренебрежение мужа, однако сейчас ей ничего так не хотелось, как немедленно включить радио и нашарить ту частоту, на которой вещает Би-би-си. И не затем, чтобы «приобщиться к истинным ценностям западной демократии», да провались они пропадом, эти ценности! Только для того, чтобы услышать незабываемый голос Германа!

Не все ли равно, о чем он будет говорить? Просто услышать его...

За дверью раздались шаги. Лиля попыталась сложить письмо, но руки тряслись, и она сунула его вместе с конвертом в папку для бумаг, которая лежала на столе. Здесь были старые документы и письма отца. Их никуда не убрали – просто из уважения к Михаилу Ивановичу, хотя жил он в основном в областном центре, в тамошней своей квартире.

Лиля выскочила за дверь, решив забрать письмо позже.

А после полуночи она снова спустилась в кабинет – украдкой – и, прижав к уху транзисторный «ВЭФ-Аккорд», ловила голос Германа, с трудом пробивающийся сквозь упорные «глушилки»¹, порождающие скрежет и свист помех.

– На самом деле нет ни прошлого, ни будущего, – говорил ей – только ей, никому другому! – Герман. – Все происходит сейчас. В конкретную, данную минуту. И осознать это могут только смелые люди. И сегодня мне хотелось бы поговорить об одном из них – поэте Иосифе Бродском.

Лиля слышала про Бродского, но никогда не читала его стихов.

Да и зачем ей эти стихи?! Неважно, о чем говорит Герман – о стихах, о политике, главное – снова и снова слышать его обворожительный голос и вспоминать, как он сказал ей однажды:

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось –
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость!²

С этих строк у них все и началось, тогда-то Лиля в Германа и влюбилась, и с тех самых пор один лишь звук его голоса способен был лишить ее рассудка. Всегда так было... и сейчас снова повторилось то же волшебство романтической чувственности, которая всегда была ее натуре ближе и дороже даже самой неистовой плотской одержимости.

Это мог дать ей только Герман. Этого она не находила у Родиона. И как же захотелось вновь испытать это слияние тел, душ и голосов, шепчущих, бормочущих друг другу любовные признания, выдуманные какими-то посторонними людьми... Только они вдвоем, вместе, тело к телу, могли это чувствовать и понимать!..

– Лиля! – внезапно раздался голос Родиона.

Проснулся! Заметил, что жены в постели нет, пошел ее искать!

Как она могла до такой степени забыть?! Потерять всякую осторожность?!

Лиля поспешно выключила приемник, отодвинула его, смахнула со щек слезы – а ведь даже не заметила, что тихо плакала...

¹ «Глушилки», мешающие слушать «вражеские голоса», создавались мощными генераторами электронных шумов. На официальном языке это называлось «радиозащитой», «радиоэлектронной борьбой». С этой целью в СССР было построено около 1400 специализированных станций.

² Из стихотворения С. Есенина.

– Что случилось? – обеспокоенный, сонный Родион в халате и тапочках на босу ногу, позевывая, вошел в кабинет. – Что ты тут делаешь?

– Нет, ничего, – пробормотала Лиля, которая настолько погрузилась в воспоминания о прошлом, что никак не могла вернуться в настоящее, в реальность.

– Ты себя плохо чувствуешь? – склонился над ней Родион.

– Да нет, тебе показалось!

Лиля резко встала, потянула мужа за руку:

– Пойдем спать.

– Нет, а мне все-таки интересно, чем же моя жена занимается ночью около радиоприемника. – Родион с усмешкой поднял транзистор. – Неужели сама Лилия Камышева, дочь нестигаемого партийца Михаила Говорова, слушает «вражеский голос»?

Он включила приемник, и немедленно раздался – боже, ну почему Лилия была такой дурой и не сбила настройку?! – голос:

– Боритесь! Любите! Как всегда, в это время с вами был Герман Арефьев. Русская служба Би-би-си из Лондона.

Вот уж воистину – вражеский голос!

– Опять Герман Арефьев? – потрясенно выдохнул Родион. – Лилия, скажи, что все это дурной сон?! Что мне показалось?!

Издевательски завывали «глушилки»... Словно смеялись над его горем.

– Нет, это в самом деле был Герман, – тихо, но твердо сказала Лилия.

– Я готов тебя сейчас убить... – не то простонал, не то прорычал Родион. – Как ты могла... Предательница! Я думал, у нас с тобой все хорошо, а ты по ночам бегала к нему, да?

– Да к кому – к нему? – всхлипнула Лилия. – Герман в Лондоне.

– Неважно! Я молился на тебя, а ты выбрасываешь всю нашу жизнь на помойку!

Родион с непримиримым выражением лица пошел к двери, но вдруг обернулся:

– Скажи, чего тебе не хватает?! У тебя есть все!.. Или все эти пять лет в постели ты представляла вместо меня – его?!

Ну, это было уже слишком! Лилия чувствовала себя виноватой, ей было жаль мужа, но вынести такое оскорбление она не могла! Хлестнула Родиона по щеке.

Это его отрезвило, сломило. Схватил ее в объятия, прижал к себе:

– Лилия, Лилия, скажи, что все это неправда, что тебе никто, кроме меня, не нужен!

Но она уже ожесточилась – вырывалась, отталкивала его, крикнула, теряя голову от злости:

– Зачем ты его искалечил?!

Родион насторожился:

– Это он тебе по радио сообщил?

– Неважно как! – резко бросила Лилия.

– Значит, было письмо?! – крикнул Родион. – Если ты с ним переписываешься, я не знаю, что сделаю! Где письмо? Я перерою весь дом! Больше я тебе не могу верить на слово!

Он ворошил журнал за журналом, лежащие на письменном столе, бестолково сбрасывал книги с полок.

И вдруг сердце Лили упало – Родион схватил папку, куда она сунула письмо Германа.

– Поройся еще в отцовских документах! – крикнула она вызывающе, хотя ее так и трясло от страха.

Но это подействовало – Родион отшвырнул папку и шагнул к жене:

– Покажи карманы!

Внезапно распахнулась дверь.

Оба обернулись.

В пылу ссоры они не отдавали себе отчета в том, как громко звучат их разъяренные голоса, которые разносятся по всему дому, как они сейчас выглядят – с лицами, искаженными ненавистью друг к другу.

На пороге стояли Катя и Кира в пижамах.

– Родители, что за крик? – дрожащим голосом спросила Кира.

– Обе спать! – рявкнул Родион.

– Кто-нибудь что-нибудь объяснит? – не отступала Кира.

– Я тоже пойду спать! – с вызовом заявила Лиля, проходя мимо мужа. – Пойдемте, девочки!

Родион остался один в кабинете. Посмотрел с ненавистью на приемник – и яростно швырнул его на пол.

Лиля кое-как успокоила девочек. Кира надулась, а Катя смотрела вприщур с откровенной ненавистью. Хорошо хоть Аришка не проснулась.

«Только бы Родион не заглянул в ту папку! – испуганно думала Лиля. – Надо пробраться туда ночью, забрать письмо...»

Однако Родион не вернулся в спальню – видимо, остался коротать ночь внизу, в гостиной или в кабинете. Испытывать судьбу и рисковать встретиться с ним Лиля не решилась.

Не удалось заглянуть в папку и утром: Родион хмуро завтракал внизу, провожая жену подозрительным взглядом, потом нужно было отвезти в детский сад Аришку, а тут еще Катя ушла в кабинет и уселась у телефона – звонить матери в Тюменскую область. Ну никак не подобрешься к письму!

«Вернусь из детского сада и заберу, – успокоила себя Лиля. – Никуда письмо до вечера не денется!»

Напрасно она надеялась...

Катя открыла эту папку случайно. Мать что-то там нудила по телефону про обои, про палас, который хочет купить, про какие-то ажурные колготки, без которых ей в селе Ленино Тюменской области просто невозможно обойтись...

Катя слушала рассеянно, в сердцах думая, что половину своей жизни проводит, стоя в очередях на почте, чтобы отправить матери эти бесчисленные посылки. Неужели теперь придется еще и палас посылать?! А мать все перечисляла, перечисляла то, что ей нужно, и Катя стала искать листок, чтобы все это записать.

На столе всегда лежала стопка бумаги, но, видимо, она кончилась. Катя открыла толстую кожаную папку, стала рассеянно перебирать какие-то документы, разыскивая чистый листок – и вдруг увидела узкий бледно-синий конверт из тонкой шелестящей бумаги. В нем было что-то невыносимо иностранное... Марки нет, написано только: «Лиле».

Лиле?!

Катя рассеянно бросила трубку, мигом забыв про мать. Конверт был пуст. А вот и письмо! Развернула его и прочла:

«Здравствуй, моя любимая Лилечка!»

Глаза ее так и летали по строчкам.

Она мигом связала концы с концами. Так вот почему кричал вчера отец! А Катя-то думала, что имя Германа ей послышалось... Значит, не послышалось!

Она снова и снова перечитывала письмо, шалея от скандального восторга, и даже не заметила, как в кабинет заглянула Кира:

– Катя, пошли, мы опоздаем.

– Погоди! – отмахнулась Катя.

– Что это? – с любопытством спросила Кира. Подошла к столу, склонилась к письму и прочла вслух:

– «Люблю тебя и нашу дочь...»

– Кто это пишет? – спросила наивно.

– Это – Герман Арефьев, – ответила Катя, убирая письмо в конверт. – Любовничек твоей драгоценной мамочки.

– Дура, – растерянно пробормотала Кира и вдруг крикнула: – Это неправда! И вообще, откуда ты взяла эту гадость?!

Она попыталась отнять конверт, но Катя мигом спрятала его за спину:

– Сама ты дура! Видимо, из-за этого письма отец и ссорился с твоей матерью ночью.

Кира даже задохнулась.

Родители кричали друг на друга так ужасно и незнакомо, что Кира еле заснула потом. Утром кое-как убедила себя в том, что это ей только приснилось, и вот...

Внезапно распахнулась дверь и в кабинет ворвалась Лиля. Да так и отпрянула, наткнувшись на полный ненависти взгляд Кати и смятенный – Киры:

– Девочки? Что вы здесь делаете?

– А ты что здесь делаешь? – враждебно спросила Кира.

Лиля растерянно пожала плечами.

– Письмецо потеряла? – зло подсказала Кира. – Из-за которого вы с папой ссорились?

Лиля задохнулась. Она не знала, что сказать, ни одного слова не шло на ум.

– Мама, – вдруг жалобно спросила Кира, – кто это – Герман Арефьев?

Лиля не успела ответить. Вернее, не знала, что отвечать...

– А это актер такой, – перебила ее Катя. – Красавчик. Я в него даже влюблена была. Только куда уж мне! Лилия Михайловна из-под носа увела! Вот такая она у тебя, а ты ее и не знала? – зло рассмеялась она в лицо Кире.

– Замолчи! – Та с ненавистью толкнула Катю на стул.

– Так, девочки, прекратите, – быстро сказала Лиля, испугавшись, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы и начнется отвратительная драка. Кира была очень вспыльчива, надо ее поскорей успокоить.

Однако не успела – дочь выскочила вон из кабинета.

– Отдай письмо! – потребовала Лиля, но Катя забилась в угол, пряча конверт за спиной:

– Не отдам!

Ну не драться же и Лиле с ней! Да и поздно... Поздно! Можно не сомневаться, что Катя все расскажет Родиону.

В самом деле, в этом можно было не сомневаться! И пока Лиля пыталась успокоить Киру, которая заперлась в ванной и наотрез отказывалась слушать мать (та умоляла открыть, уверяя: ты, мол, все поймешь, я все объясню... но разве можно понять маму, которая изменяла отцу с каким-то артистом?!), Катя ринулась к автобусной остановке.

Скоро она уже была в городе и напрямик побежала в исполком. Ворвалась в кабинет отца, хотя там шло совещание, и еле удержалась, чтобы не выпалить новость во всеуслышание. Но пришлось ждать, пока народ разойдется.

И вот, наконец, Катя вручила злополучное письмо отцу и с наслаждением наблюдала, как каменеет его лицо, когда он читает эти строки:

«Здравствуй, моя любимая Лилечка! Больше шести лет прошло, но я помню все до мелочей: твою улыбку, глаза, черточки... Все бы отдал, чтобы еще раз тебя увидеть. Жаль, что это невозможно. Люблю тебя и нашу дочь. Если захочешь меня услышать, то это вполне реально: каждый вечер на «Русском радио» после 24.00».

Ах, как же была Катя счастлива! Как довольна! Как радостно блестели ее глаза, когда она выпалила:

– Я тебе еще когда говорила, что надо Лильку из дома выгнать. А то притворяется заботливой мачехой, а на самом деле гуляет, врет. Аришка-то не твоя оказалась!

К ее несказанному изумлению, отец ответил резко:

– Это мне решать, кто моя, а кто нет! А теперь пошла вон!

– И это вместо спасибо! – обиженно пробурчала Катя и вышла, бросив презрительное: – Чао!

Где ей было знать, что Родион сейчас самыми страшными словами клянет тот час, когда его старшая дочь заявила однажды в его дом... а заодно и тот миг, когда она обнаружила злополучное письмо.

Но теперь обратной дороги не было. Теперь не сделаешь вид, что ничего не произошло. Теперь никакая любовь к Лиле – безрассудная, безоглядная, всепоглощающая и всепрощающая – не поможет со временем забыть то, что произошло, спустить все на тормозах, понять, простить.

Нет! Катерина не отстанет. Она ненавидит Лилю так люто, что, наверное, убила бы ее собственными руками, если бы могла сделать это безнаказанно. Катя будет подзуживать, подкусывать, подъедать, разжигать ревность Родиона, она будет раздувать пожар скандала до тех пор, пока он не сожжет все здание семейного благополучия, которое еще недавно – еще вчера! – казалось Родиону таким прочным, таким устойчивым...

Он достал из сейфа бутылку и начал пить даже не рюмку за рюмкой, а стакан за стаканом.

Наконец он поджег письмо Германа и бросил его в пепельницу. Эх, если бы так же просто было возможно уничтожить все случившееся!

Родион ненавидел сейчас дочь – и себя тоже ненавидел. Ненавидел за то, что даже теперь готов простить... Пусть не сразу, но простить. Даже и теперь, если бы Лиля покалась, сказала бы, что это письмо для нее ничего не значит, а радио она слушала просто так, ну, из любопытства, что ли, – даже и теперь он, конечно, закатил бы несколько скандалов, но в конце концов позволил бы этой буре утихнуть.

Значит, дочь сильнее его? Собственная дочь – сильнее, непримиримей? Она больше страдает за отца, чем сам он – за себя?

Раздался звонок. Родион снял трубку.

– Камышев слушает, – ответил он так официально, словно не догадывался, кто ему звонит.

– Ты все еще на работе? – спросила Лиля.

Родион расслабил узел галстука – вдруг душно стало. Как она может говорить ровно, спокойно, заботливо – будто ничего не случилось?! Или она убеждена, что буря уже пронеслась? Или она тоже считает Родиона добродушной тряпкой? Тоже презирает его?

Ну, нет... Она ошибается!

– Откуда Арефьев узнал, что Ариша – его дочь? – спросил он о том, что болело всего сильнее, что донимало непрестанно.

– Я ни слова ему не говорила! – уверяла Лиля. – Я потому про письмо тебе не говорила, что боялась, что ты рассердишься.

Так он и поверил!

– Я сегодня не приду! – с ненавистью выдохнул Родион в трубку.

– Родя, – робко позвала Лиля, но он уже бросил трубку.

Ему нужно было доказать себе, прежде всего себе, что он – не тряпка под ногами жены, которую она может то поднимать, то отбрасывать! Он должен был доказать себе, прежде всего себе, что сам решает, возвращаться ночевать домой – или ночевать в другом месте.

Телефон зазвонил снова – конечно, опять звонила Лиля, – но сейчас Родион вообще не взял трубку. Выпил еще, взял пальто и вышел из кабинета.

Он был пьян, но все же сел за руль. ГАИ все равно не остановит машину с таким номером, как у Родиона Камышева! Он – высшая городская власть, которой плевать на все порядки, установленные для каких-то там мелких сошек, одной из которых был и сам Родион – с десяток лет назад. Ну, хоть чего-то он добился за эти годы, хоть кто-то с ним считается, если не считается жена!

А там уж, куда он едет, его примут с распростертыми объятиями, в этом Родион не сомневался!

Спустя час он был около одной из хрущевок, выстроенных в окраинном микрорайоне областного центра. Поднялся на пятый этаж, поднял руку к звонку.

Здесь жила Наташа. Та самая, которая однажды так откровенно и так жадно забралась к нему в постель. В последний раз Родион был у нее лет пять назад, не меньше. С тех пор, как родилась Аришка, с тех пор, как Родион вернулся к жене, он порвал всякую связь с этой хорошенькой «комсомольской давалкой». Он ведь не был потаскуном по натуре... Вернее, был раньше – до тех пор, пока не влюбился в Лилю. Встречи с Наташей в те давние времена не столько тешили его плоть, сколько помогали убедить самого себя в том, что ему все, абсолютно все безразлично, что он вполне может обойтись и без Лили, и без ее любви. Именно за этим он снова пришел к Наташе – чтобы убедить себя...

Родион нажал на кнопку звонка.

Наташа открыла – и изумленно уставилась на него. Немедленно вспомнилось, как Родион бросил ее, как перестал приходить, как она искала с ним встреч, даже на приемы записывалась, а он передавал через секретаршу, что не примет. Вспомнила, с каким выражением секретарша Родиона передавала ей это известие... с каким всепонимающим, осуждающим выражением! Наташа злилась, плакала, обижалась, бегала за Родионом – потом перестала. У нее было немало любовников среди обкомовской номенклатуры – от них она слышала, что Камышев живет в семье, воспитывает трех дочерей, слывет примерным семьянином.

Примерный семьянин! Наташа хорошо знала цену этим семьянинам. Сколько их побывало в ее постели – и не сосчитать. С каким наслаждением и упоением «отрывались» они, приезжая в областной центр на конференции, слеты, съезды! Рано или поздно Родион тоже придет, тоже захочет оторваться, – и тогда он сам за ней побегаёт.

Однако Родион приезжал в область, но отрываться не хотел, за Наташей не бегал, ну и она старалась держаться в стороне – какая-никакая, а гордость у нее была. И вот вдруг он стоит у нее на пороге, и заходит, и просит дать ему водки, и садится в кресло – и смотрит этим своим тяжелым, равнодушным взглядом, который сводит ее с ума...

– Что, не так все гладко в Датском королевстве, да? – игриво спросила Наташа, лаская босой ножкой его ногу.

– А тебе не все равно? – буркнул Родион.

– Мне все равно, – согласилась Наташа. – Лишь бы ты был со мной...

Она забралась к нему на колени – и радостно почувствовала, что сейчас-то он точно с ней, принадлежит ей... ну а что будет потом, мы еще посмотрим! И, целуя его, отдаваясь ему, она уже заранее знала, что сделает завтра.

* * *

Конечно, Родион предупредил, что не придет ночевать, но все же Лилия разозлилась. За что он ее укоряет? Мало ли о чем она думала, мало ли о чем позволила себе помечтать? В конце концов, это Герман написал ей, а не она ему! Все-таки свинство так обращаться с женой. За

эти годы Лиля ни разу не давала ему повода для ревности. Отвратительно так себя вести, как ведет себя Родион!

Ей пришлось кормить Аришку завтраком, и, хоть та не капризничала, но все время спрашивала, где папочка. Лиля не знала, что ответить. Кира дулась, Катерина с ехидной улыбочкой шныряла вокруг, бормоча, как пишут в пьесах, в сторону: «Остались в гордом одиночестве?» Или: «Вас давно надо было отсюда выгнать!» Или: «Такая жена отцу не нужна!»

Лиля отмалчивалась. Не в ее натуре было заводить скандалы, хотя иногда так хотелось! С другой стороны, она понимала: девчонка переживает за отца... И продолжала молчать. Ей хотелось позвонить Родиону, но при Кате это было невозможно.

Однако, едва придя на работу, Лиля принялась названивать. Трубку он не брал, а секретарша говорила сконфуженным голосом, что Родион Петрович занят и подойти к телефону не может. Именно эта ее сконфуженная интонация выдавала вранье. Понятно, Родион дал такое указание. Ну и глупо!

– Передайте Родиону Петровичу, что, если он в следующий раз не подойдет к телефону, я сама к нему приеду! – пригрозила Лиля и сердито бросила трубку.

В эту минуту дверь без стука открылась, и в кабинет вошла молодая, хорошо одетая женщина с прекрасными светлыми волосами.

Лиля не удивилась. К ней чуть ли не каждый день приходили начинающие драматурги со своими творениями. Вот уже который год страна переживала театральный бум, причем всем почему-то казалось, что писать пьесы – необычайно легко. Всех ветровских «драматургов» Лиля знала наперечет, однако начинающие приезжали, случалось, и из областного центра, и даже из Москвы и Ленинграда, почему-то веря, что в провинции пробиться на сцену проще.

Но тут же Лиля подумала, что ошиблась: всеми своими фривольными повадками, ярко накрашенными губами, слишком нарядной одеждой посетительница более напоминала одну из тех любительниц творческой славы – безразлично чьей: писателей, художников, артистов, музыкантов, – которые вечно подвизались в отделениях творческих союзов, таскались на все попойки – а они в среде «жрецов искусства» устраивались если не каждый день, то уж через день – точно, – ну а потом уезжали домой то к одному «жрецу», то к другому, а то отдавались им – для возбуждения вдохновения! – прямо там, где пили-ели, на редакторском, скажем, столе или среди театрального реквизита.

Хотя, впрочем, некоторые из них что-то там пописывали, малевали, чирикали или терзали струны-клавиши, надеясь с помощью любовников пробиться в издательство, или устроить выставку, или дать концерт где-нибудь, где угодно, хоть в сельском клубе... Может, и эта особа – начинающий драматург?

– Вы, наверное, пьесу принесли? – устало спросила Лиля, однако девушка взглянула своими очень светлыми, густо накрашенными глазами, улыбнулась большим, ярким ртом и сладким голосом сказала:

– А вы неплохо сохранились, Лилия Михайловна, для своих лет.

Лиля так опешила, что даже не нашлась, что сказать.

– Вам сколько, сороковник? – не унималась гостья.

– Ну вообще-то меньше, – пробормотала Лиля. – Я не понимаю, вы кто?

Незнакомка подалась вперед и сообщила, играя глазами:

– Меня зовут Наташа, и я люблю вашего мужа. Вы должны его отпустить.

Это было настолько ни с чем не сообразно, пошло и вульгарно, словно Лиля вдруг угодила в какую-то несусветную, насквозь графоманскую пьесу!

– Подождите, я как-то... не понимаю, – пожала она плечами. – А мы точно говорим об одном и том же человеке?

– Да, – промурлыкала Наташа и подперла щеку рукой с ногтями столь же яркими, как ее помада. Кстати, серьги тоже были ярко-алыми. А еще – Лиля только сейчас заметила родинку на ее правой щеке. Таковую же, как у нее самой... И внезапно поверила, что она говорит правду!

Ах так!..

Лиля высокомерно приподняла брови и продолжала слушать откровения Наташи:

– Мы с ним знакомы уже пять лет. Близко знакомы, если вы понимаете, что я имею в виду. Сегодняшнюю ночь он провел у меня.

Большой рот Наташи то и дело расплзался в торжествующей улыбке, но глаза оставались ледяными.

– Пять лет назад я думала, это так, интрижка, а оказалось – нет. Чувство.

Чувство! Все это было бы смешно, когда бы не было так непереносимо вульгарно!

– Он не может меня забыть! – продолжала Наташа. – Вы понимаете, о чем я говорю, да?

Лиле вдруг стало смешно. Неужели она производит впечатление такой тупицы, что надо постоянно уточнять, понимает ли она эти пошлые намеки?

– И родинка у меня более пикантная, чем у вас! – не унималась Наташа, но голос ее вдруг сорвался и задрожал от ненависти.

Однажды Лиля слышала, как кто-то из зрителей обмолвился об одном актере: «Всем хорош, да чересчур уж вибрирует!» Это стало для Лили знаком неестественности, неправдоподобности, переигрывания.

Лиля усмехнулась. Не все так блаженно между этой девкой и Родионом, как она старается показать. Слишком уж она «вибрирует»! И вряд ли Родион таскался к ней в течение пяти лет. Все-таки Лиля знала своего мужа. Хотя нет, не знала, если он опустился до такой пошлятины! Рассердиться на жену из-за какого-то случайного письма – и сразу кинуться в объятия откровенной шлюхи?!

Определенно Наташа не врет – минувшую ночь Родион провел у нее. То-то она приободрилась, то-то ринулась к сопернице!

Лилю буквально перекосило от безразличия. И что? Теперь будет именно так? Чуть что не по Родиону – и он меняет супружескую постель на несвежие простыни какой-то девки?

Почему-то Лиля не сомневалась, что в постели Наташи простыни непременно несвежие. Родион глуп, если думает, что он прямо-таки единственный, кто бежит к ней ради мгновенного утешения.

Внезапно она поняла, что ревнует... Это было так странно, так необыкновенно, что Лиля даже удивилась. Ну да, ей больно, ей стыдно, ей... отвратительно. Но что теперь делать? Как вести себя с мужем?

Надо было с кем-то посоветоваться, и Лиля, подумав, позвонила матери.

Уж она-то всякого натерпелась – и от Говорова, и от Шульгина... Она, с ее опытом, с ее таким трудным жизненным опытом, с ее неизменным тактом – она что-нибудь посоветует!

Лиля и Таисия Александровна встретились в парке. Прошлись по аллеям...

– Честно говоря, не ожидала от Родиона такого, – растерянно говорила мать. – Он же тебя любит, это видно!

– И это, по-твоему, любовь? Спать с кем попало! – возмутилась Лиля. – Пришла – такая наглая, беспардонная! Говорит: «Вы должны его отпустить!» Да я ж его никогда не держала, пусть идет!

– Лилуш, не горячись, не надо, – покачала головой Таисия Александровна. – Подумай о детях.

– Не знаю, мама, не знаю, – пробормотала Лиля с сомнением.

– А я знаю! – В голосе Таисии Александровны зазвучали строгие нотки. – Мужчины иногда делают ужасные глупости. Я думаю, он тебя страшно ревнует и намеренно сделал больно. Думаю, что он уже раскаивается. Я уверена, Лилюш!

Лиля пожала плечами.

Ей хотелось сказать: «Но ведь я не хотела вызвать эту ревность! А Родион – ты сама говоришь! – причинил мне боль намеренно! Что ж мне теперь – жить под дамокловым мечом? Все время дрожать, что, чуть не по нему сложится, он сразу к Наташе побежит, а она потом явится ко мне в театр и начнет уточнять, сколько мне лет?!»

Лиля промолчала, вдруг осознав, что мать ее просто не поймет. Надо поговорить с Родионом. Пусть он сам разъяснит, какой видит теперь их дальнейшую жизнь!

Она вернулась не слишком поздно и очень удивилась, что во всех окнах темно. Что такое, неужели в такую рань спать пошли? Однако, открывая своим ключом дверь, увидела, что гостиная залита призрачным белым свечением, и услышала голос Родиона:

– А Мишка увидел девочку и закричал: «Держи ее, хватай! Держи-держи!» И захотел кусить девочку... ам!

Раздался смех и визг Аришки.

Все понятно. Родион крутит девчонкам их любимый диафильм «Три медведя» и, как всегда, входя в роль, шуточно цапает Аришку на плечо. Она всегда начинала пищать, это доставляло девчонкам огромное удовольствие.

Свет из прихожей проник в комнату, и Родион выпустил дочь из объятий. Кира и Катя, сидевшие сбоку, вскочили с непримиримым видом и вышли из комнаты.

«То есть меня так презирают из-за какого-то письма?! Из-за того, что было давным-давно?! А если бы я рассказала им, где и с кем провел прошлую ночь их добродетельный и обиженный папочка?!» – ожесточенно подумала Лиля.

– Мамочка, иди к нам, папа показывает про трех медведей! – позвала добродушная Аришка. – Пап, давай дальше!

– Солнышко, – ласково сказала Лиля, – иди чисти зубки, надевай пижамку, а я сейчас приду, хорошо?

Родион с явной неохотой выпустил Аришу из объятий. Лиля закрыла за ней дверь и повернулась к мужу.

– Ну что, будем досматривать? – пьяно пошутил он.

Ну да, Родион был пьян, сильно пьян. Лиля еще больше рассердилась – ее всегда злило, когда он начинал пить при девочках.

– Сегодня ко мне приходила твоя... Наташа, – сказала она запальчиво.

Если Родион и смутился, он это очень умело скрыл.

– Ну что ж, – довольно равнодушно пожал плечами, – ты знаешь, оправдываться я не буду. Захочу – завтра будет Даша, Глаша, Маша...

– Понятно, – высокомерно кивнула Лиля. – Ты, дорогой, главное – ни в чем себе не отказывай! Спокойной ночи!

Она вышла из комнаты.

– Вот и поговорили, – пробурчал вслед Родион. – Разошлись, как в море корабли!

* * *

Лиля заперла на ночь свою спальню, однако Родион не сделал никаких попыток явиться. Да, он верно сказал: ни оправдываться, ни извиняться не будет. Ну что ж...

Лиля была оскорблена больше, чем признавалась даже самой себе. И в этой странной пустоте, которая так внезапно окружила ее, она, как утопающий за соломинку, цеплялась за

письмо Германа. Она помнила наизусть каждое слово, и голос его вкрадчиво, нежно звучал и звучал в ее одинокой ночи, очаровывая, заманивая:

«Больше шести лет прошло, но я помню все до мелочей: твою улыбку, глаза, черты лица... Все бы отдал, чтобы снова тебя обнять. Люблю тебя и нашу дочь. Как бы я хотел ее увидеть! Жаль, что это невозможно».

– Ты увидишь ее, – вдруг прошептала Лиля.

Герман, бедный Герман! Родион разрушил его жизнь, выгнал соперника из страны, лишил его любимой женщины и дочери. И теперь изменил жене только потому, что Герман осмелился написать Лиле, спросить о своем ребенке! Да разве это справедливо по отношению к Лиле? И разве справедливо по отношению к Герману – лишить его возможности даже взглянуть на Аришку?!

Никогда Лиля не жалела его так, как в эту минуту. Потому что вместе с ним она жалела и себя! Пока она верила, что их семья дорога Родиону, ей было легче переносить разлуку с Германом. Но приход Наташи показал Лиле, что она уже не так много значит для мужа, как раньше. Перенести это оказалось трудно... очень! Да, женщине почти невозможно смириться с пренебрежением мужчины, особенно всегда верного и влюбленного мужа. Мир теряет привычные очертания, земля уплывает из-под ног. Нужно за что-то схватиться, за что-то удержаться... хоть за соломинку! Очень часто в таких ситуациях спасительной соломинкой становится другой мужчина. Так же произошло и с Лилей. Сейчас она схватилась за воспоминания о Германе, она держалась за мысль об их возможной встрече, а главное – о его встрече с Аришкой.

Эта поездка в Англию... Как нарочно, все как нарочно! Судьба на ее стороне!

Судьба-то судьбой, однако Лиля забыла об одной маленькой детали: списки отъезжающих за границу проходили через многие инстанции, и одной из них был Родион Петрович Камышев, председатель ветровского горисполкома. Как только он увидел в списках имена своей жены и дочери – да, Аришку он считал своей дочерью, более того, любил ее особенной, болезненной, ревливой любовью! – он эти имена немедленно вычеркнул. И сообщил Лиле, что никуда она не поедет.

Ну что ж, был только один человек, к которому она могла обратиться за помощью в такой ситуации. Но это был тот же самый человек, к которому мог обратиться за помощью и Родион... Вот так и вышло, что к Михаилу Ивановичу Говорову они приехали одновременно.

В своей квартире в областном центре он торопливо собирал вещи, укладывал в портфель бумаги...

– Так, ребятунки, у вас всего пятнадцать минут. В Москву еду, на пленум, – сообщил он и уселся за письменный стол, строго глядя на дочь и зятя: чуяло сердце, что неспроста они вдруг заявили. – Давайте, давайте, выкладывайте! Что за проблемы?

– Папа, – начала Лиля, – я хочу поехать в конце лета с театром на фестиваль за границу. А Родя... товарищ Камышев! Тормозит мои документы.

– Да, – охотно согласился Родион, – тормозит-тормозит! А все потому, что ваша доченька, Михаил Иванович, едет за границу не на фестиваль, а к своему любовнику. Да еще берет с собой Аришку.

Говоров опешил.

– Родион Петрович, – с злой ехидцей сказала Лиля, – вот только давайте не будем сейчас о любовниках и любовницах! Где вы живете последние два месяца?

– В гостинице я живу и там со всеми сплю-у-у, – протянул Родион с нескрываемой издевкой. – Если хотите, можете считать именно так!

Он взглянул на побледневшего тестя, встал и с мольбой произнес:

– В общем, Михаил Иванович, в последнее время мы с Лилькой много чего натворили. Много чего случилось! Но я вас очень прошу – не помогайте ей с отъездом. Ничем хорошим это не закончится.

Говоров взглянул на дочь. Она стояла с опущенными глазами. Однако ни тени сомнения невозможно было заметить на этом красивом лице.

Ну да, так всегда было: если что-то взбредет в голову – Лилю не остановишь до тех пор, пока она сама не наломает дров, не сделает всех своих ошибок и не спохватится. Однако сейчас, похоже, дело посерьезней всего, что было...

– Но можно все еще вернуть назад, – вдруг сказал Родион. – Я готов!

Лиля вскинула голову. Лицо ее стало ожесточенным.

– Но я не готова, – твердо произнесла Лиля.

Родион помолчал, потом с невеселой усмешкой пробормотал:

– Ну что ж, вполне внятно. – Повернулся к тестю, подал ему руку: – Удачи на пленуме, до свиданья, Михаил Иванович.

Говоров проводил его изумленным взглядом, потом посмотрел на дочь:

– Давай излагай. Я ничего не понял.

Лицо Лили приняло молящее выражение. Заговорила она не сразу, сбивчиво:

– Папа... дело в том, что пять лет назад у меня был роман. В общем, Аришка – дочь того человека.

– Новости... – ошарашенно пробормотал Михаил Иванович. – А Родька знает?

– Знает, – угрюмо кивнула Лиля. – Он сделал так, чтобы Германа выслали из страны, он сломал ему жизнь, карьеру, он уничтожил его! И это все из-за меня, понимаешь?... В марте я получила от Германа письмо. Он пишет, что одинок и несчастен. И ему бы очень хотелось увидеть Аришку! А тут такой шанс – фестиваль!

Она говорила все горячее и горячее, с мольбой глядя на отца, который молча расхаживал по кабинету:

– Знаешь, я сама не собиралась ехать сначала, а потом, когда узнала, что Камышев загулял... Сначала клялся в любви, а сам...

Голос ее прервался. Лиля рассердилась, что выдала свои чувства, свою обиду и ревность. Однако она не собиралась говорить отцу, что Родион «загулял» после того, как прочел письмо Германа. Какая разница, что за чем следовало!

А впрочем, Лиля смолчала еще и потому, что опасалась: отец встанет на сторону Родиона. Он полюбил зятя, которого сначала ненавидел и презирал, да и пресловутую мужскую солидарность нельзя сбрасывать со счетов. Кроме того, Лиля отлично помнила, что происходило в этом доме в те времена, когда хозяйкой была Маргарита Говорова, а Таисия Александровна, тогда просто Тася, – просто прислужой! Отец может оправдать любую мужскую шалость...

– погоди, Лиля, – сказал Михаил Иванович примирительно. – Ты же слышала: он хочет все вернуть.

Ну вот, так и есть! Она так и знала! Отец не спешит прийти на помощь родной дочери, он заступается за любимого зятя!

– Папа, но я не хочу! – запальчиво воскликнула Лиля. – Я долго думала и решила, что Герман должен увидеть дочь. Он имеет на это право! Просто посмотреть ей в глаза, обнять... погладить по голове! Папа, ну ведь другого шанса может и не быть!

Михаил Иванович присел на ручку кресла, в котором сидела Лиля, посмотрел ей в глаза, обнял, погладил по голове... Как остро он вспомнил сейчас то, о чем не забывал, честно говоря, никогда, всю жизнь не забывал! Вспомнил, как нашел эту девочку, свою дочь, Тасину дочь, в 1946 году в детдоме – нашел запуганной, больной, не умеющей говорить – и какое небывалое счастье испытал, когда взял ее на руки, поцеловал наголо бритую головенку... вот как сейчас целует душистый, теплый Лилин висок... Эти воспоминания растопили его сердце. Вправе ли

он лишить неизвестного ему человека мгновения счастья отцовства? Ведь это будет только мгновение. Лиля уедет – и скоро вернется домой, все пойдет по-старому, ну а этому Герману останутся счастливые воспоминания, которые будут согревать его жизнь там, в чужой, дождливой и холодной стране.

– Папа, ну я тебя очень прошу, пожалуйста! – взмолилась Лиля.

Отец погладил ее по голове, вздохнул тяжело и покорно, и она поняла, что победила.

Однако прошло еще много непростых, хлопотных, трудных дней, когда пришлось объясняться с матерью, прощаться с Кирой, которая прочно замкнулась в обиде, терпеть откровенную ненависть Кати, прежде чем настало время уезжать. Выдался необыкновенно яркий, солнечный, сияющий день. Сад звенел птичьими голосами, а лилии на старой клумбе перед домом, лилии, которые этим летом цвели как бы неохотно, вдруг раскрыли все свои разноцветные бутоны. Аришка никак не могла от них оторваться, а между тем уже приехало такси, и Лиля кое-как уговорила ее пойти собрать игрушки в дорогу.

В это мгновение она услышала рокот мотора, потом у ворот остановилась знакомая машина – и в сад быстро вошел Родион... слегка покачиваясь на ходу.

Они не виделись после того разговора в кабинете Михаила Ивановича, и Лиля неприязненно заметила, как изменился, исхудал Родион, какой у него неряшливый и озлобленный вид. А глупенькая Аришка так и бросилась к нему на шею!

– Папочка, где ты был?!

Радость Родиона при виде девочки раздражала Лилю. Хватит ему уже изображать доброго папочку! Спит черт знает с кем, а потом является сюда как ни в чем не бывало, Аришку обнимает, чмокает, смеется с ней...

Таисия Александровна (они с Шульгиным пришли проводить Лилю и Аришку) нахмурилась, забрала у него девочку.

– Осуждаешь меня, дорогая теща? – хмельно ухмыльнулся Родион. – Выпил. Имею право!

– Ладно, девочки, встали-поехали, – строго сказал Шульгин, но Родион остановил Лилю:

– Подожди...

В голосе его звучала мольба – мольба и тоска:

– Какая же ты красивая... Все-таки уезжаешь?

Лиля опустила глаза. Что толку спрашивать? Разве он сам не видит? На что еще надеется?!

На миг стало так жалко его... Но Лиля вызвала в памяти это издевательское: «Я живу в гостинице и там со всеми сплю-у-у...» – и снова ожесточилась. Даже не признаваясь себе, она раздувала в душе обиду на Родиона, чтобы легче было оставить его сейчас.

Да в конце концов, что особенного?! Какие-то двенадцать дней, а потом, может быть, все еще и наладится между ними. Сейчас главное – уехать, уехать! Столько сил для этого приложено, столько копий переломано!

– Если ты сядешь в такси, – внезапно сказал Родион, – я подаю на развод.

Лиля оторопела.

– Ты пьян! – бросила холодно.

– Не так уж я и пьян, – резко ответил он. – Ты же сама мечтала о разводе. Теперь повод есть избавиться от нелюбимого мужа.

Лиля отвела глаза. Ну что за чепуху он несет! И нашел же время!

– Мне сейчас нужно в аэропорт, – сказала она сдержанно, – а когда я вернусь, мы обо всем поговорим. Ладно?

Она думала, Родион кивнет, что-то скажет, может быть, улыбнется на прощанье, однако он яростно закричал:

– Да не о чем нам будет с тобой говорить! Не о чем! Ты вообще можешь не возвращаться! Ты сама все сломала! А теперь мне все равно!

Лиля на миг стало страшно: а ведь он не рисуется, не играет, он говорит правду...

Но показать своей растерянности, своих мгновенно вспыхнувших колебаний было нельзя. Да и поздно!

– Ты все сказал? – спросила высокомерно.

– Нет, не все... – Теперь в его голосе звучала откровенная ненависть: – Я надеюсь, ты будешь сожалеть об этом всю жизнь! Вот теперь – все! Прощай! Целоваться не будем.

Лиля резко повернулась, зашагала куда-то, не видя куда... Замерла около клумбы с лилиями, делая вид, что остановилась тут нарочно, полюбоваться на них, а не потому, что страх перед будущим и обида вдруг ослепили ее.

Ноги не держали... Она присела на корточки, как будто затем, чтобы на прощанье погладить цветы.

– Тебе эти лилии дороже, чем я и твои дети, – презрительно проговорил Родион.

Лиля резко выпрямилась и, как-то неловко перебирая внезапно онемевшими ногами, пошла к такси. Она чувствовала, что Родион смотрит ей в спину, и спине было больно, физически больно, как будто он не смотрел, а бросал в нее камни.

Таисия Александровна, Шульгин и Аришка уже сидели в такси, ждали.

У машины Лиля все же оглянулась.

Родион стоял, опершись на дерево. Помахал издевательски:

– Гуд бай!

Ну, если так... Лиля стиснула губы. Если так!.. Ладно.

Села в машину, хлопнула дверцей.

Такси умчалось.

Родион, опираясь о ствол дерева, медленно сполз на землю.

Что это с ногами вдруг стало, почему отказались служить?..

И все же он заставил себя подняться. Кое-что ему давно хотелось сделать, и вот сейчас – самое для этого время!

Нетвердо ступая, Родион дошел до клумбы с лилиями и начал неуклюже, торопливо топтать их, пинать, пока не потерял равновесие и не свалился прямо в цветы, но и тут утомился, только когда оборвал и смял их все, до последнего бутона.

Тяжело вздохнул...

Не помогло! И ничто уже теперь ему не поможет.

* * *

Здесь все было другое. Настолько другое, что первое время все постоянно ходили ну буквально с разинутыми ртами и вытаращенными глазами. Например, погода! Из дому улетали в летних платьях, а тут сыро, холодно, постоянно дождит и ветер дует словно бы со всех сторон. Сразу, еще в аэропорту, пришлось надевать куртки, плащи, шарфы – все же ехали на месяц, готовы были к всяким неожиданностям, но чтобы в конце лета такая мокрая холодина...

– А чего вы удивляетесь? – простуженно усмехнулся главный режиссер Аркадий Хромов. – Хотели в Туманный Альбион? Ну так вот он, получите и распишитесь!

В автобусе, который вез от аэропорта, так и липли к окнам. Казалось, за окнами ненастоящий город, казалось, они попали в какой-то зарубежный фильм! Сколько прекрасных машин! Какие узкие улицы! Темза! Мост Ватерлоо! Биг-Бен! Тауэр! Двухэтажные красные «басы»! Вывески магазинов, ресторанов, баров одна другой ярче! Как все потрясающе одеты! А сколько чернокожих на улицах! Кажется, половина Африки перебралась в Лондон. И, как ни странно, их никто не притесняет, а у нас-то пишут, что на Западе сплошная расовая дискриминация...

Быстро стемнело, и все вокруг засияло огнем витрин и реклам. Красота! Какое изобилие всего, дух захватывает! Конечно, все это буржуазные соблазны, чуждые советским людям, направленные на то, чтобы отвлечь от классовой борьбы, превратить каждого в бездушного потребителя материальных благ, но... но в самом деле глаза разбегаются!

Отель, в котором поселили труппу из СССР, назывался «Шекспир». Это тоже показалось странным. Почему в России нет ни одной гостиницы, которая бы называлась, к примеру, «Пушкин»? Или, скажем, «Лев Толстой»?!

Хотя, наверное, это унижительно для великих имен – быть названием гостиницы. Англичане этого просто не понимают! Отель «Шекспир»! Смешно!

Однако отель оказался хорошим, номер с огромной двуспальной кроватью, на которой устроились Лиля с Аришкой, теплым и таким чистым, что неловко было даже нечаянно уронить что-нибудь. Завтрак подали в номер: невыносимо заграничный, с необыкновенными булочками, медом, джемом и маслом в красивеньких упаковочках... Привез завтрак негр в ливрее (ага, все-таки черных здесь угнетают, они прислуживают белым постояльцам!) – и не уходил, пока Лиля не дала ему шиллинг на чай. Она еще не знала, много это или мало, однако Аркадий, который заглянул к Лиле, посмотреть, как она устроилась, горько вздохнул:

– Если бы он знал размер наших суточных!..

Денег, конечно, выдали – не разбежишься по магазинам. Впрочем, Лиля не за тем сюда приехала. Первым делом она попросила Аркадия раздобыть ей телефонный справочник, чтобы позвонить в Би-би-си и разыскать Германа. Бедного главрежа чуть удар не хватил от ужаса! В каждой группе советских людей, выезжающих за рубеж, непременно находился негласный сотрудник КГБ, которого зачастую не знал даже сам руководитель делегации, директор театра. Может, это Лиля и есть?! И она его просто проверяет?!

Хотя вряд ли. Обычно сексотами были самые что ни на есть неприметные личности, а Лиля – дочь секретаря обкома, жена председателя горисполкома... Нет, вряд ли. К тому же Аркадию было страшно любопытно узнать, как же здесь, в загнивающем капиталистическом мире, живет-поживает бывший актер Ветровского театра драмы...

Справочник Лиля нашла, на Би-би-си позвонила и не без труда – она неплохо говорила по-английски, однако с изумлением обнаружила, что ее английский и английский англичан – это два совершенно разных языка! – разыскала Германа.

И вот они встретились... на набережной Темзы, в знаменитом тумане, который окутал город холодом, бросились друг к другу и наконец-то обнялись... узнавая, заново узнавая друг друга через пять таких долгих, таких невозвратных, таких горестных лет разлуки.

Встреча с любовью давних времен может заставить человека с недоумением пожать плечами: «Что я в нем (в ней) вообще находил?» Однако если история любви связана также и с коварством, предательством, насилием, разлукой по воле злых обстоятельств, если это была не просто мимолетная влюбленность, а истинная страсть со всей ее романтичностью, пылкостью и безудержностью, то все это как бы окрашивает минувшее в особые восхитительные тона, которые добавляют очарования мигу встречи и связывают бывших любовников незримыми узами общего желания: даже ярче и горячее того, которое связывало их прежде.

Вдобавок рядом с ними стояла их дочь, которую Герман видел впервые в жизни. Когда Лиля увидела, как он смотрит на Аришку, как обнимает ее, как произносит ее имя, все, что подспудно подгрызало ее сердце – тоской по мужу и по такой спокойной, такой надежной и мирной их жизни, осознанием своей вины перед ним, ревностью, обидой, воспоминаниями о Кире и беспокойством о ней, мыслями об отце и матери, – все это словно ушло в какую-то дальнюю даль, словно бы дымкой подернулось, сделалось совершенно неважным, необязательным, перестало тревожить днем и являться в снах... Стало чужим. Вся жизнь Лили теперь сосредоточилась в двух людях, и только их ощущала она воистину родными и необходимыми себе. Лежа в постели с Германом, она и не вспоминала Родиона, а если и вспоминала, то стара-

тельно окрашивала эти воспоминания в самые черные и мрачные тона. Лиля пыталась оправдать себя в собственных глазах, а есть ли верней для этого способ, чем очернить другого человека, противника... врага? Да, теперь Родион стал ей врагом, и было страшно подумать о том, что впереди – разлука с Германом и встреча с Родионом, опостылевшее существование, обыденность, беспросветность... Она сама навязывала себе эти мысли, эти оценки того, что осталось в Советском Союзе, – и Герман поддерживал ее в этом.

Лиле чудилось, что никто и никогда не опутывал ее сетями такой любви, такого внимания, такой заботы и такой пылкой страсти, никто не осыпал так безудержно стихами и цветами. Театральный фестиваль, на который она приехала, шел своим чередом, присутствия Лили – всего лишь заплата! – на спектаклях не требовалось, ее отсутствие ничего не значило, о фестивальных событиях она узнавала от Аркадия, который уже успел привыкнуть и к тому, что ее вечно нет в номере, и к тому, что там оказывается Герман, причем это всегда было связано с каким-нибудь необыкновенным новым платьем (даже в Лилином богатом гардеробе они выглядели сенсационно!), с бесчисленными букетами цветов, бутылками дорогих вин, ну а о новых и новых игрушках для Аришки и говорить не стоит! Аркадий успел привыкнуть, что Лиля сияет счастьем, как никогда раньше, и с тревогой думал, как же она переживет разлуку с Германом? Ведь недалек день, когда самолет с актерами из Ветровска взойдет в туманные небеса Альбиона и возьмет курс на восток? И как снова останется Герман один, без надежды на новую встречу?..

Ну, если об этом размышлял даже Аркадий, то Лиля, конечно, считала дни, остающиеся до отъезда, с ужасом и то мысленно готовила себя к неминуемой разлуке, то начинала отчаянно надеяться на чудо.

И вот однажды чудо произошло. Герман привел ее к себе домой и перед дверью завязал глаза шелковым платком. Осторожно помог войти, а когда снял платок, Лиля оказалась в окружении десятков огоньков. Горел камин, горели крошечные лампочки и свечи – везде, во всех углах комнат, отражались во множестве зеркал... Это было чудесно, необыкновенно, восхитительно!

– Но это еще не все, – таинственно сказал Герман, усаживая очарованную Лилию на диван перед камином. – Скажи, лилии – по-прежнему твои любимые цветы?

Она кивнула – и в следующий миг Герман вручил ей огромный букет.

– Но и это еще не все, – загадочно улыбнулся он. – Дай мне твою руку.

Лиля, непонимающе улыбаясь, протянула руку. Герман выхватил из кармана алую бархатную коробочку, открыл ее... Кольцо нереальной, театральной, сказочной красоты лежало в шелковом гнездышке, сверкая бриллиантами. В следующий миг Герман надел это кольцо на палец Лиле.

Ничего подобного она не видела никогда в жизни!

– Потрясающе... – пробормотала, любуясь кольцом, как зачарованная. – Боже мой...

Подняла глаза на Германа, не в силах найти слова благодарности, – и поразились тому, насколько серьезным вдруг стало его лицо.

– Я хочу, чтобы вы с Аришей навсегда остались со мной, здесь, – сказал он негромко. – Я хочу, чтобы это был твой дом.

Лиля смотрела исподлобья, нерешительно. Поднесла к губам кольцо и поцеловала его... Голова кружилась от счастья, и все казалось возможным, даже невозможное!

* * *

Звонок поднял Таисию Александровну с постели уже около полуночи.

– Мама, мамочка, это я! – зазвучал в трубке голос Лили.

– Привет, Лилюш, привет, родной, как дела? – радостно отозвалась Таисия Александровна.

– Мама, ты только не волнуйся, – говорила Лиля с какой-то странной интонацией, – мы с Аришкой остаемся здесь. С Германом.

– Как... как ты сказала? – опешила Таисия Александровна, однако ответом ей были короткие гудки – связь внезапно прервалась.

Таисия Александровна положила трубку и пошла в спальню, где ее встревоженно ждал разбуженный поздним звонком Шульгин.

– Что она сказала? – спросил он.

Таисия Александровна замерла в дверях:

– По-моему, она сошла с ума... Сказала, что не приедет, остается там с Германом... Как это понимать?!

Шульгин хмуро смотрел на жену:

– А как понимать?... И понимать нечего. Все ясно!

Точно так же все с полуслова понял и Михаил Иванович (Шульгины приехали к нему ранним утром). Однако был потрясен не меньше Таисии Александровны:

– Мне, конечно, говорили, что Лилька чудит немного... Но...

– Ох, ёшкин кот, – пробормотал Шульгин, привычным движением доставая из внутреннего кармана валидол. – В голове не укладывается!

– Я и представить не мог, что... – Михаил Иванович не договорил, протянул Таисии Александровне и Шульгину несколько фотографий: – Вот, полюбуйтесь! Что она себе позволяет?!

Они онемели, глядя на черно-белые снимки: вот Лиля идет под руку с Германом по Лондону, вот самозабвенно целуется с ним на набережной Сены, вот входит вслед за ним в какой-то дом... наверное, в его дом.

Шульгины переглянулись: как к Говорову попали эти фотографии?!

– У меня просто в голове помутилось, когда я это увидел! – начал было Михаил Иванович, однако его прервал телефонный звонок.

– Да, Говоров, – ответил он резко.

– Ну что, Михаил Иванович, – послышался в трубке голос Родиона, – полюбовались на свою любимую доченьку?

Мембрана резонировала, и Таисия Александровна с Шульгиным отлично слышали нотки нескрываемого злорадства в его голосе. Злорадства – и горя...

– Откуда у тебя эти фотографии?! – вскричал Говоров.

– Их тебе дал Родион? – ошеломленно пробормотала Таисия Александровна.

– Ну не мог же я отпустить без присмотра свою женушку и ребенка! – хохотнул Родион.

Да, Аркадий Хромов не напрасно опасался сексота в группе артистов... И этот сексот отлично знал свое дело!

– Каково это? Средь бела дня целуется с продажной тварью! – простонал Родион. – А я ведь вас предупреждал, я вас умолял не помогать ей с отъездом!

– Камышев! – с болью закричал Михаил Иванович. – Если бы в твоей семье все было в порядке, этого бы не произошло! Ты слышишь?!

Родион молчал. Возразить ему было нечего.

– Одним словом, поедешь и вернешь жену, ты понял?! – продолжал Говоров.

– Нет, – промямлил Родион, и только тут Михаил Иванович понял, что зять снова пьян. – Никуда я не поеду! Хватит, я набегался, Михаил Иванович. Набегался! – В голосе его звучали слезы. – Вы не представляете, вы не представляете, каково это – каждый день видеть в ее глазах

холод! Годами... – Он тяжело всхлипнул. – Больше не могу. Я завтра иду в загс и подаю на развод.

– Никуда ты не пойдешь! – взревел Говоров. – Жди моего решения! Все!

Он швырнул трубку и тяжело рухнул на стул.

– А мне кажется, Тася должна поехать к Лильке Михайловне, – вдруг сказал Шульгин. – Уж если кого она послушает, так это только мать.

Таисия Александровна ошеломленно смотрела то на него, то на Говорова.

Тот поддержал Шульгина:

– Тасенька, надо...

Она покорно кивнула, вдруг ужаснувшись, какую мощную бюрократическую машину должен будет запустить Говоров, чтобы отправить ее в Англию! Затея кажется какой-то утопией, но Таисия Александровна не сомневалась, что Михаил Иванович горы свернет, чтобы возвратить дочь!

Но еще больше гор предстояло свернуть ей самой – уговорить Лилию одуматься. Всю дорогу Таисия Александровна подбирала какие-то слова, обдумывала, как повести разговор... Однако с первой минуты встречи поняла, что потерпит неудачу.

В богемной, элегантной, очень своеобразно и непривычно обставленной квартире, да и во всем этом чужом, хмуром городе с чужой речью Лиля чувствовала себя как рыба в воде и выглядела откровенно счастливой: такой Таисия Александровна никогда ее не видела – ну, может быть, только в те далекие времена, когда в Дом с лилиями прибежал Сережа Морозов и весело называл ее Карамелькой.

Да, Лиля не лукавила, когда говорила, что не чувствует себя в Лондоне, в Англии чужой, потому что здесь рядом с ней ее любимый человек и их ребенок. Для нее уже все было решено: она остается здесь навсегда, а Кира должна подтянуть свой английский, чтобы переехать сюда, когда Лиля получит гражданство.

В глазах Таисии Александровны мелькнуло сомнение: она сомневалась, что Лиле это удастся так скоро, ведь даже Герман еще считается эмигрантом! И тогда Лиля вдруг сообщила ей, что написала заявление о предоставлении ей политического убежища. Иначе она не смогла бы остаться в Англии после отъезда труппы...

Таисия Александровна молча смотрела на дочь, не находя слов. Было ясно, что Лиле совершенно безразлично, как ее решение скажется на всех, кто останется в Советском Союзе. И совершенно безразлично, что она встречается с матерью в последний раз и больше никого никогда не увидит: ни отца, ни Родиона... А надежда на встречу с Кирой совершенно эфемерна!

– А как бы ты поступила, мама, если бы тебя тогда позвал отец?! – вдруг с вызовом спросила Лиля.

Таисия Александровна обняла ее, понимая, что слишком нагрела в своей жизни, чтобы судить хоть кого-то, тем более – собственную дочь. И все-таки хотелось Лиле сказать, что одно дело – поехать за любимым человеком в какую угодно глушь, а совсем другое – покинуть ради него Родину.

Но ей чудилось, что между ней и Лилей снова возникла та же непроницаемая стена, которая стояла между ними долгие годы и которую, как казалось Таисии Александровне, ей все же удалось преодолеть. Но сейчас она поняла, что это лишь казалось ей...

Герман был очаровательно-любезен, он красноречиво убеждал Таисию Александровну, что сейчас все-таки не 37-й год, к стенке никого не поставят, хотя могут попортить много крови, – но все же у Лили есть право быть счастливой и самой решать, как ей жить.

Все это было так, все так... Но никогда раньше Таисия Александровна не испытывала такой печали, такой растерянности и безысходности!

Она позвонила Говорову еще из Лондона, так что встречал он ее без всякой надежды, но сдержанно, изо всех сил пытаясь изобразить ту уверенность и силу духа, которых на самом деле не испытывал. Видно было, что этот человек сломлен тем, что на него свалилось. Михаил Иванович вполне мог расстаться с партбилетом, с высокой должностью – вопрос об этом должен был решаться на днях в комиссии партийного контроля, – однако с ума его сводило другое, и он с болью признался:

– Я всегда знал – и на войне, и в сталинские годы, и при Никите, – я знал, что мне делать: воевать, трудиться, на износ работать – для страны, для детей... А сейчас что?! Котки нет. Лилька предала. Как жить?

Таисия Александровна молчала. Она не знала, как им всем теперь жить – брошенным старикам...

– Что она хоть сказала-то? – тоскливо спросил Михаил Иванович, ослабляя узел галстука.

– Любовь, – слабо улыбнулась Таисия Александровна, глядя ему в глаза.

– Матерь Божия... – с болью выдохнул Говоров – и вдруг взревел: – Любовь?! Зачеркнуть все?! Наплевать на семью, на Родину наплевать?! На тебя, на меня, на Кирку? Любовь?! – Голос его сорвался стоном: – Зачем я ее только тогда забрал из детдома?!

– Миша, Бог с тобой, что ты говоришь такое?! – испугалась и разозлилась Таисия Александровна.

Михаил Иванович вдруг стал задыхаться, словно горе удавкой перехлестнуло горло.

– В больницу, давайте в больницу! – закричала Таисия Александровна шоферу.

Автомобиль резко повернул на другую дорогу.

* * *

Аркадий Хромов, главный режиссер театра драмы, появился в кабинете Родиона Камышева к концу рабочего дня – тот уже собирался уходить. Вид у главного режиссера был виноватый до крайности.

– Э-э... там, в приемной, просто никого не было, и я... Родион Петрович, вы помните меня?

– К сожалению, – буркнул Камышев, надевая пальто.

– Но я, ей-богу, не виноват в том, что случилось! – зачастил Аркадий.

– Все проблемы из-за вашего театра! – с ненавистью глянул на него Камышев. – Храм искусства долбаный! Культуру они несут в массы. Хороша ж культура! – Он вернулся к столу и принялся искать что-то в ящиках: – Разогнать вас всех надо к чертовой матери!

– Я понимаю, – сокрушенно вздохнул Аркадий. – Вы злитесь, и есть за что!.. А у нас в театре проверка за проверкой. Собрания... вот директора уволили как руководителя труппы, мне строгий выговор...

Камышев не обращал на него никакого внимания, продолжая перебирать свои бумаги.

– Послушайте, – взмолился Аркадий, – ну не было там никакого умысла! Просто Лиля заболела, осталась в Лондоне... А когда мы отработали спектакль в Эдинбурге и вернулись в Лондон, в гостинице ее уже не было.

– Это мы в курсе, – буркнул Камышев, не поднимая головы.

Он с трудом сдерживался. Какого черта перед ним тут переминается с ноги на ногу этот... долбаный жрец долбаного храма искусства? Пришел отмежеваться, так сказать? Я не я, и вина тут не моя? Или сыпать соль на рану? Нет, ему чего-то нужно... Просить что-то пришел? Опалу снять с него и театра? Черта с два!

Внезапно Аркадий сунул руку во внутренний карман и достал сильно помятый конверт.

Длинный узкий конверт. Таких в Союзе не было. Наши конверты – почти квадратные. А этот...

Родион затаил дыхание. Неужели Лилия прислала ему письмо? Неужели... если она попросит прощения, если... он не простит, конечно, но насколько легче станет на душе!

Впрочем, он не подал виду, как разволновался.

– Что за письмо? – буркнул с прежней ожесточенностью.

– А это Арефьев в аэропорт принес, – заявил Аркадий, и Камышев поднял на него ледяные глаза.

Письмо не от Лили! Идиот, а он-то надеялся... Двухногий осел, как всегда, показал себя во всей красе и дурости!

– Арефьев?... Он мне еще пишет?!

Аркадий неловко пожал плечами.

– Что ж вы два месяца письмо-то везли? – Камышев взял конверт.

– Да ведь если бы узнали о письме, меня бы уволили вместе с директором, – простодушно развел руками Аркадий. – Ведь этот вражина... он ведь на голосах вещает! Но я подумал – мало ли, вдруг что-то важное там для вас...

Разумеется, Камышев не собирался открывать конверт при Аркадии! А тот не уходил, все переминался с ноги на ногу...

– Свободен, – бросил небрежно Камышев.

Аркадий, словно его с привязи сняли, кинулся к двери, но вдруг обернулся с отчаянной решимостью:

– Родион Петрович! Ваши исполкомовские по культуре выживают меня из театра! Не сегодня завтра точно порвут. Вы бы заступились, а? А я пьесу Погодина поставлю. «Кремлевские куранты». Очень необходимое, нужное произведение! Вот к юбилею Владимира Ильича обещаю вам премьеру!

Камышев так глянул исподлобья, что Аркадий подавился собственной вдохновенной речью:

– Понимаю... извините... – и был, наконец, таков.

Родион разорвал конверт, достал тонкий, непривычно тонкий листок, взглянул на ненавистный почерк – и словно услышал ненавистный голос:

«И как ты себя чувствуешь, ублюдок? Брошенный, несчастный...»

– Сам ублюдок! – яростно выдохнул Родион.

«Ты так ее любил, так боролся за нее, а она со мной! Она – и Ариша... Это тебе за мои сломанные пальцы и за мою сломанную жизнь».

Родион мрачно кивнул:

– Мало тебе, надо было голову оторвать!

«Тебе больно? – издевательски вопрошал омерзительный голос врага. – Надеюсь, что да! Я сделал все, чтобы они остались здесь! Я отнял у тебя самое дорогое! Как сказал мудрец: «Двигайся не торопясь – и день твоего мщенья придет!» Арефьев».

Родион медленно скомкал листок:

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним, Арефьев!

Однако это было легко сказать... Победа осталась за врагом, и это разрывало сердце, наполняло душу физической, тяжелой, мучительной болью, спастись от которой можно было одним способом: напиться.

Разумеется, именно это он и сделал – благо оказалось с кем! Этим же вечером, вернувшись домой, Родион вдруг обнаружил в гостиной поджидавшую его... Веру. Ну да, Веру Камышеву, свою брошенную жену! Ее заставила приехать Катерина, которая решила взять судьбу родителей в свои проворные руки и воссоединить их, благо проклятая разлучница сама себя выжила не только из Дома с лилиями, но и из Союза вообще!

Катя сразу привела мать в комнату Лили, чуть ли не подпрыгивая от блаженства удовлетворенной мстительности. Вера немедленно опробовала ее косметику и даже пыталась примерить платья, остававшиеся в шкафу, – все, конечно, заграничное, из «Березки»³, не какой-нибудь там Мосшвейпром! – однако для этого ей понадобилось бы скинуть килограммов двадцать, так что пришлось встречать мужа в обыкновенном трикотажном платье, так обтягивавшем раздавленную фигуру, что оно было и узко, и коротко во всех местах. Единственное, во что удалось поместиться, это в домашние тапочки Лили. Да и ладно, решила Вера, любуясь на себя в зеркало, всяко лучше этой тощей шкидлы, фотографию которой она увидела на комод. И «химию» сделала очень вовремя, во какие кудри получились! Катерина, правда, при виде их скривилась, испортил город девуку... Да, спасибо, не совсем, вон как о матери позаботилась!

Не видел Родион бывшую жену – сколько? Да лет пятнадцать, не меньше, с того самого дня, когда всевластный Михаил Иванович Говоров одним движением руки развел их с Верой, чтобы брак Родиона и Лили мог считаться законным. Родион с тех пор частенько размышлял, а как бы сложилась их с Лилей жизнь, если бы тесть тогда не вмешался, если бы они расстались?... Нет, конечно, Камышеву пришлось бы засунуть куда подальше свои непомерные амбиции и мечты: вернулся бы в совхоз «Ленино» Тюменской области, работал бы там агрономом, ел бы себя поездом – ну и запивал бы это дело, конечно, дома, за кухонным столом, в компании жены, а закусывал разносолами: готовить Верка была непревзойденная мастерица...

Ну и что изменилось? Снова они за одним столом, уставленным этими самыми разносолами, которые Верка приперла из деревни, снова пьют, и все вернулось, так сказать, на круги своя... Зачем было, спрашивается, пятнадцать лет нервы мотать?!

Катя, умиленно наблюдая картину семейного воссоединения, радостно голосила в лад отцу и матери:

Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня,
Не морозь меня, моего коня! –

когда вдруг открылась дверь и в дом вошла Кира.

– Добрый вечер! – ошеломленно сказала она, недоверчиво озирая невероятную картину: отец, совершенно пьяный, сидит в обнимку с какой-то толстой, как корова, нет, жирной, безобразной теткой (на голове куча бараньих кудрей), тоже совершенно пьяной, – а рядом хмельно хихикает довольная Катя.

Киру никто не услышал.

– Папа! – возмущенно крикнула она, и только тогда пирующие обернулись.

– Ой, Кирка приехала! – радостно воскликнула Катя.

– О! – радостно заорал отец. – Это моя самая-самая умная... Ты это, проходи, Кира. Здесь у нас по-простому, без всяких, знаете, интеллигентских...

Он хотел было подняться, однако тетка с бараньими кудрями по-свойски обхватила его своей толстой ручищей и победно улыбнулась Кире.

Родион Петрович пьяно захохотал:

– Прходи, вон Кондратьевна картошечки поджарила на сале. Знаешь, как она готовит? Я еще помню, когда мы были с ней женаты...

Катя, наконец, заметила, с каким изумленным ужасом смотрит Кира на отца в объятиях незнакомой женщины, и радостно объяснила:

– Да это ж мамка моя приехала! Познакомьтесь!

Женщина поднялась и с улыбочкой протянула руку:

³ В сети магазинов «Березка» в описываемое время продавались импортные товары только за валюту.

– Здрасьте!

Кира, однако, бросила в угол сетку с апельсинами, которые привезла из города, плюхнулась на стул, отвернулась и сердито стянула варежки.

– О-о, начинается! – со злой насмешкой протянула Катя.

– А чо она нос воротит? – обиделась Вера.

– Да не обращай внимания! – отмахнулась Катя.

Но Вера, конечно, не обращать внимания не могла.

– А я теперь тут жить буду! – заявила она гордо. – Да! С Родиошей все согласовано!

Кира с ужасом увидела, что отец с готовностью кивнул, – и не поверила глазам:

– Это кто так решил?! Пап, ты что молчишь?!

Родион замаялся, и Вера с силой пихнула его в бок:

– Ну?!

Он покорно встал, побрел к дочери – обниматься:

– Кира... Ну ты что? Вера – женщина хорошая, пусть живет, не жалко!

Кира вскочила так резко, что нетвердо стоящий на ногах Родион завалился на диванчик. И крикнула с отчаянием:

– Она здесь жить не будет! – Кинулась к Вере, вцепилась в ее ногу, едва не стащив со стула: – Ну-ка снимай мамины тапочки!

Катя оттащила ее, попытавшись вразумить:

– Да ты что?! У них с папкой всегда любовь была, да твоя мать, потаскуха, им всю жизнь сломала!

В следующую секунду она отлетела к столу, такой увесистой пощечиной наградила ее Кира.

– Доча, доченька! – завывала Вера.

– Подожди, Кира, так нельзя! Это же твоя сестра! – ринулся было на выручку Родион, однако она оттолкнула его со словами:

– Вот и забирай ее! И пусть проваливает в свою общагу! И эту... любовь всей жизни тоже забирай!

– Почему любовь всей жизни?! – пьяно изумился Родион. – Это ж Кондратьевна!

– Вон! – яростно закричала Кира. – Я не шучу! Вы не имеете права, вы здесь никто!

Она кинулась к Вере, стащила ее со стула с почти безумной, невесть откуда взявшейся силой:

– Вон пошла! Вон, я сказала! Пошла вон!

– Ты чо, ты чо?... – ошеломленно причитал Родион, однако Кира уже не обращала на него внимания. Твердо посмотрев сестре в глаза, она сказала:

– Катя, ты здесь самая трезвая. Сейчас я позвоню дедушке – и будет хуже. Веришь?

Катя испуганно зыркнула на мать.

Та насторожилась:

– Это который начальство, что ли, большое?!

Да, встреча с этим «дедушкой» оставила неизгладимый след в ее памяти, даром что случилось это больше чем пятнадцать лет назад...

В бессильной злобе Катя фыркнула и принялась выталкивать мать в прихожую, повторяя:

– Да, мам, пошли отсюда!

– Бешеная! – рявкнула Вера на прощанье, бросив на Киру полный ненависти взгляд.

Родион тяжело вздохнул, постепенно трезвея. Упал на стул, мечтая только об одном: чтобы больше никто не кричал!

Однако тихий голос дочери показался ему громче выстрела в висок:

– Тебя, папуля, это тоже касается. Слышишь?

– Слышу, – выдохнул Родион. – А чо, правильно, доченька. Мне надо тоже уйти. – Он налил еще водки, улыбнулся виновато: – На посошок... – Выпил, утерся рукой: – Да, не место мне здесь! Хотел прыгнуть выше головы, а не вышло... слаб оказался! – И заорал: – Тяп-ляп вышел корабль!

Встал, попытался обнять Киру, но она отбросила его руки.

Родион покорно кивнул:

– Правильно, доча. Живи счастливо. Эх, мороз, мороз...

И пошел в прихожую, где суетливо и испуганно одевались Вера и Катя.

Скоро за ними захлопнулась входная дверь, и Кира осталась одна.

Она поспешно заперлась, словно боялась, что компания замерзнет и вернется, потом потащила с шеи шарф – она ведь так и не разделась, оставалась в шубе, – но силы как-то вдруг оставили ее. Прислонилась к стенке и расплакалась – от страха и горя навалившегося одиночества.

Отца прогнала. Мама... Где мама?! Как ей нужна была сейчас мама!

Телефон зазвонил. Кира не собиралась подходить, но внезапно до нее дошло, что такими резкими, короткими звонками вызывает только междугородняя.

Осторожно сняла трубку:

– Аллю?..

– Добрый вечер, – послышался чужой вежливый голос. – Лондон вызывает. Будете говорить?

– Да, – всхлипнула Кира, не веря своему счастью. Стоило подумать о маме – и вот она, звонит, и, конечно, сейчас скажет, что возвращается!

– Аллю! – послышался мамин голос.

Кира заливалась слезами и ничего не могла сказать.

– Кто это?! Кирочка, это ты?

– Да! – прорыдала она.

– Девочка моя, ты что? Почему ты плачешь? – с тревогой спрашивала мама. – Не надо, милая! Ты знаешь, как я скучаю по тебе! Я даже передать не могу!

Кира хотела крикнуть: «Тогда возвращайся!» – вместо этого с трудом произнесла:

– Не я в этом виновата, мама.

– Не осуждай меня, пожалуйста! – взмолилась мать. – Когда полюбишь – сама поймешь. Знаешь, я тебя вызову, ты приедешь – и мы снова будем жить вместе! Слышишь?

«О чем она говорит? – с ужасом думала Кира. – О чем?! Она меня не слышит. Я ей не нужна. Я никому не нужна! А раз так...»

– Мама, – тихо сказала она, – не звони мне больше. Я тебя никогда не пойму!

– Аллю, аллю, Кира... – растерянно пробормотала мама, которая, видимо, решила, что ослышалась. – Аллю!

Но Кира уже положила трубку.

* * *

Конечно, сейчас был не тридцать седьмой год, однако... Однако Герман Арефьев как в воду глядел: никого не расстреляли, но крови попортили и в самом деле немало. Только выпивавшись из больницы через месяц после того, как потерял сознание в машине, Михаил Иванович Говоров узнал, что зять его отстранен от должности и больше не является председателем горисполкома. А его самого навестил любезный человек с барственными манерами, которыми теперь почему-то обзавелись все номенклатурные работники высшего ранга, и заявил, что он – представитель комиссии партийного контроля.

О работе в ЦК партии, куда Говорова выдвигали, ему теперь придется забыть, сообщил чиновник. Говоров ожидал, что ему будет сообщено о каком-нибудь несусветном понижении, о назначении если и не позорном, то унижительном, а то и вовсе отправке на пенсию. Внезапно вспомнилось, как Шульгин, остерегая его от возможных глупостей, на которые Говоров в свое время был готов ради Таси, страшал: «Дурак! Сломаешь всю свою жизнь! До гроба будешь парторгом в каком-нибудь совхозе сопли жевать!» Вот правда – дурак, что испугался. Вся жизнь пошла бы иначе, не разменивал бы годы на сожительство с нелюбимой Маргаритой, а Лилька, выросшая при Тасе, при родной матери, не натворила бы глупостей...

Михаил Иванович мысленно уже смирился именно с такой перспективой – до гроба парторгом в каком-нибудь совхозе сопли жевать, – однако оказалось, что за него заступился сам Брежнев, с которым Говоров некогда воевал на Малой земле, и тот не забыл однополчанина. У Михаила Ивановича был шанс даже сохранить свой пост, остаться первым секретарем обкома партии. Но для этого он должен был подписать один документ...

Чиновник протянул листок бумаги – и у Говорова помутилось в глазах, когда он прочел:

«Заявляю, что моя дочь, Камышева Лилия Михайловна, стала невозвращенкой, так как психически больна и не отдает отчета своим поступкам. Справки из психдиспансера, где она находилась на стационарном лечении в 1966 году, прилагаются. Лечащий врач подтверждает, что у дочери случались рецидивы, она зависит от сильнодействующих препаратов...»

Говоров беспомощно поднял глаза:

– Подождите... Но она уже давно ничего не принимала!

Его чиновный посетитель смотрел сочувственно:

– Она думала о себе. Подумайте и вы о себе! Подумайте, сколько хорошего вы можете сделать для народа, для страны!

И Говоров понял, что это письмо придумано и написано кем-то вовсе не из желания его унижить, а из стремления помочь ему, спасти, чтобы он не сидел на пенсии, медленно помирая от тоски по работе, а работал, работал, ведь он может еще много сделать для страны, и он хочет это сделать!

Но Лилька... Люлька! Объявить ее сумасшедшей...

А разве она не сошла с ума, когда променяла семью, мужа, дочь, отца, мать, весь дом, всю жизнь, всю страну на любовь какого-то перебежчика, красnobая, который сейчас во всеуслышание клеветает на Советский Союз за тридцать буржуазных серебеников?! Разве она и в самом деле не сошла с ума?!

Она втоптала в грязь свою жизнь и свое имя, но свое имя Говоров замарать не даст!

– Ну что, Лилька? – пробормотала он, взглянув на портрет дочери, стоявший на книжной полке. – Будь счастлива...

Подписал бумагу, а портрет перевернул вниз лицом и засунул за книги.

Было такое странное чувство, как будто он снова оказался в 46-м году, в том детдоме, в том полутемном подвале, где когда-то взял на руки девочку с родинкой на щеке и объявил всем, что это его дочь. Но только теперь почудилось ему, что он покачал головой и сказал: «Нет, это не моя дочь!» – и вышел вон, оставив Лилию в этом мрачном подвале.

Потому что она сама так захотела...

* * *

Времена, как говорится, меняются – и мы меняемся вместе с ними! Герман Арефьев понимал это, как никто другой. При этом он меняться не хотел и плевать ему было на всякие там времена!

Он только-только прошелся бумажной трубочкой по кокаиновой дорожке, которую аккуратно выложил на каминной доске, только сделал глубокий вдох, как в комнату вошла Аришка, громко распевая:

Старый барабанщик,
Старый барабанщик,
Старый барабанщик
Крепко спал!

При этом она не только распевала, но и барабанила.

Герман раздраженно вскинул голову, сунул трубочку в карман, остатки дорожки – немалые остатки! – смёл. Уселся за пишущую машинку. Надо закончить материал для сегодняшнего выступления... Но разве это можно сделать в такой обстановке?!

Барабанная дробь и детский голос – эти звуки, чудилось, били в виски молотком.

Где Аришка взяла этот идиотский барабан? Кажется, кто-то из соседей подарил? Или Лиля купила? С нее станется! Бросается исполнять все причуды девчонки, совершенно не умеет деньги считать. Привыкла там, в Союзе, при отце – партийном бонзе и муже – бонзе советском – швырять рублями, как будто они и впрямь «деревянные». Раньше Герман тоже не слишком-то считал деньги, был тороват и даже мотоват, как вся актерская братия, но нищенская жизнь научила его считать фунты стерлингов. И одна мысль, что эти заработанные им фунтики кто-то небрежно пускает на ветер, приводила его в бешенство. А тут еще эта барабанная дробь, этот резкий детский голос, эти дурацкие вопросы:

– Дядя Герман, пионеры так стучат?

Помилуй Бог, да разве может он помнить всю эту пионерскую чушь?!

Сначала он обижался на Лилю, которая не открыла сразу Аришке, что он – ее отец, а теперь был этому только рад.

– Не помню, – буркнул сердито. И крикнул: – Лилия! Лилия, заведи ее!

Прибежала Лилия. Почему она не следит за ребенком, интересно? Сидит на кухне и что-то пишет... Как возомнила себя в эсэсэре писательницей, так и остановиться никак не может. Кому ее русская проза и русский язык нужны здесь, а Англии? Самому Герману повезло – устроился на Би-би-си, но она туда не пойдет. Да ее и не возьмут, а протекцию ей Герман делать не станет. Во-первых, кто его там будет слушать? А во-вторых, видеть женщину и дома, и на службе – это для него уже чересчур!

И вообще...

– Ариша, не надо, не надо стучать! Давай, милая, иди в свою комнату, ладно?

Лилия увела девочку, и Герман попытался углубиться в работу, но Лилия вернулась. Ну вот до чего же не вовремя ей захотелось поговорить, поваяснять отношения!

Отношения выяснять Лилия не слишком хотела, но поговорить с Германом давно собиралась. Было о чем! Слишком многое изменилось с того дня, как она попросила политического убежища и сообщила матери, что не намерена возвращаться в Союз. Изменения происходили вроде бы незаметно, но происходили, постепенно накапливаясь, и Лилия все чаще чувствовала беспокойство и даже страх. Она не позволяла себе предаваться этим эмоциям, однако это удавалось все реже.

– Я заметила, в последнее время Ариша начала тебя раздражать, – осторожно начала она. – Что происходит?

Герман пожал плечами:

– Ничего, все нормально.

– Нормально? – с горечью повторила Лиля. – Слушай, мы так и не ходим никуда, ни с кем не общаемся. Ты приходишь под утро, ложишься спать, потом готовишься к эфиру, снова уходишь... мы почти сутками не видим друг друга!

Герман продолжал печатать, словно не слышал ее. Лиля подумала: наверное, она не нашла нужных слов. Не стоит его упрекать, нужно просто объяснить, хорошо объяснить...

– Теперь у тебя есть семья, – ласково сказала она. – Аришка, я...

– Но я уже привык так жить, – бросил Герман, не поднимая головы от машинки. – И менять ничего не собираюсь.

От изумления Лиля растерялась.

Герман вытащил из машинки лист, пробежал его глазами, вскочил:

– Ну, я побежал. – Проскочил мимо Лили, откровенно стараясь ее не коснуться, но вдруг обернулся: – Лилиа...

Она так и подалась к нему, ожидая объятия, поцелуя, хотя бы слова извинения, потому что вид у Германа был довольно сконфуженный.

Однако...

– Мне очень неудобно тебе в этом признаться, но... вот это кольцо, которое я тебе подарил, – Герман потер пальцы, – оно дорогое... я взял его в кредит, пора возвращать кредит, а с деньгами проблема. Так что придется его вернуть. Извини, пожалуйста.

Лиля опешила.

– Оно там, наверху. – Она показала на антресоли, куда вела крутая лестничка и где устроили спальню. – Я его оставила там, возьми его... На тумбочке, около кровати.

Герман проворно поднялся по лестничке.

Лиля опустилась на стул. Она была страшно разочарована, однако старалась не показать обиды и потому проговорила как можно спокойнее:

– А ты знаешь, мне совершенно не нужно это кольцо. Для меня главное, чтобы мы любили друг друга и были вместе. Как ты думаешь?

Герман, улыбаясь, сбегал по ступенькам. Невероятная красота кольца, которое сверкало в его руке, словно ударила Лилию в сердце.

– Я очень хорошо к тебе отношусь, – весело сказал Герман. – И Аришку очень люблю. Но понимаешь...

– Что? – насторожилась Лиля.

Герман пожал плечами и быстро пошел к вешалке. Снял пальто, обмотал шею шарфом.

Лиле стало страшно.

– Нет, говори! – бросилась она за Германом. – Что – но? Я оставила страну, семью, Кирочку... Я здесь, чтобы быть с тобой! Я не понимаю, объяснись!

– Ну что – объяснись?! – раздраженно обернулся Герман. – Я хотел отомстить этой сволочи Камышеву – и отомстил. Я хотел, чтобы моя дочь жила в нормальной, цивилизованной стране, а не в «совке»! И она здесь!

– Отомстить?.. – растерянно повторила Лиля. – Подожди... а я?

– Ну что ты? – равнодушно взглянул на нее Герман. – Ну, как говорится, запретный плод сладок. А когда его срываешь с ветки, он теряет вкус. Вот так!

– Значит, пять лет назад я была для тебя запретный плод? – пробормотала Лиля.

Ей все казалось, что это какая-то шутка, что Герман не может так говорить, не может этого говорить всерьез! Вот сейчас он усмехнется: «Конечно, нет! Я люблю тебя!»

– Ну, в общем, – усмехнулся Герман, – да.

Лиля мгновение смотрела на него, думая только о том, как удержать слезы. Потом сглотнула тяжелый комок и спокойно сказала:

– Подлец.

Он не спорил, пожал плечами...

– Подлец!

Лиля бросилась к лестнице, ведущей на второй этаж. Надо скорей собрать вещи.

– Мы немедленно съезжаем отсюда, – твердила она. – Я пойду в посольство, буду просить... они не могут меня не пустить!

Голос ее оборвался рыданием.

Глянула вниз.

Герман презрительно смотрел на нее:

– Куда ты поедешь? Кто тебя пустит туда? Товарищи – они предателей не прощают. Все. Теперь ваш дом здесь. А родина – там.

Лиля схватилась за горло, чувствуя, что начинает задыхаться от ужаса. И все же хватило сил крикнуть:

– Если ты еще раз появишься в нашей с Аришкой жизни, я немедленно вызову полицию. Ты понял?!

Герман только засмеялся снизу: наверное, так бесы смеются из преисподних бездн над грешниками, которых искусили несбыточной мечтой – и бросили в тот миг, когда до ее исполнения оставался только миг.

Герман вышел.

Лиля упала на диван и громко, отчаянно заплакала.

В соседней комнате старательно била в барабан Аришка:

Старый барабанщик,
Старый барабанщик,
Старый барабанщик
Крепко спал...

* * *

Шло время. Дни, недели и месяцы, которые как-то незаметно складывались в годы...

С Катериной поссориться Кире так и не удалось. Она то и дело заявлялась в Дом с лилиями и донимала Киру болтовней. Рассказывала о том, как идут дела в институте (она училась на факультете иностранных языков, в просторечии – инязе, причем училась очень старательно), о том, что иногда ей удастся познакомиться с иностранцами, которые по тем или иным делам приезжают в Ветровск, о курсах для гидов, на которые бегают без отрыва от учебы... Иногда начинала ворчать, что из-за «твоей мамы» не только у отца вышли неприятности, но и у самой Катерины: ей не дают работы с группами иностранцев, блат нужен! Правда, на «твою мамашу» Катя жаловаться больше не рисковала, после того как Кира в очередной раз выгнала ее вон. Да, точно так же она выгнала из своей жизни и маму, но осуждать ее с кем бы то ни было не собиралась!

Катерина смирилась и злословить перестала. Иногда она даже оставалась ночевать у Киры и, по всему видно, лелеяла мечту снова вернуться сюда жить. Кира ей не предлагала, но принимала охотно. С Катериной было веселей.

Бабушка, Таисия Александровна, и Дементий Харитонович, которого Кира с детских лет звала дедулей, ее понимали: о маме разговоров не заводили. С другим дедушкой, Михаилом Ивановичем, они в последнее время не общались, потому что он подписал какую-то бумагу против мамы. Кира толком не понимала, в чем там дело, но спрашивать не хотела, чтобы зря не расстраиваться. А Кира общалась с дедушкой Говоровым: он часто приезжал в Дом с лилиями, держал там кое-какие свои бумаги, «работал в тишине и покое», как он это называл. Но о маме не говорил ни слова. И дедуля с бабулей о ней молчали, словно мамы и не было вообще на

свете, только знай ворчали, что Кира похоронила себя в четырех стенах, а Дом с лилиями – дом непростой, он хочешь не хочешь, а отравляет своим духом.

От бабушки Кира тогда впервые услышала старинное предание о том, как первый хозяин этого дома (давно, еще до революции!) застал свою жену с любовником и убил этого человека, а жена его с горя покончила с собой в мансарде, так муж там ее и замуровал, ну, вот она перед смертью и прокляла весь дом, всех его будущих обитателей и, главное, обительниц: якобы ни одна из них счастлива в любви не будет.

И что? Все именно так и вышло, судя по рассказам о прошлом! Кто там был счастлив, в этом доме? Да никто, в том числе мама. И вот теперь – Кира...

Но уезжать она оттуда все-таки не хотела. Ни за что!

Однажды Кира нечаянно проговорила об этой истории Катерине – но та поддержала бабулю Таисию Александровну:

– Как ты еще тут с ума не сошла одна, не понимаю! Дед то приедет, то нет. Небось даже этому призраку твоему тут скучно. Ему и попугать некого, кроме тебя. Но знаешь что? Давай лучше мы ее напугаем, ну, эту призрачную тетку! Мне в кои-то веки разрешили поработать с американцами, студентами и аспирантами, они здесь на Новый год застряли. Ну сама посуди, не в общаге же им праздновать. Давай пригласим их сюда. И еще нескольких человек наших для компании. Ну давай, Кирка, ну что тебе стоит, ну, сестричка, родненькая!

Против этого слова Кира не смогла устоять. Ей так хотелось быть кому-то родной... особенно теперь, когда ее бросила мама и даже поговорить о ней невозможно!

Вот так и вышло, что в ночь накануне 1985 года в Доме с лилиями было невероятно весело! Только слишком шумно, по мнению Киры. И очень уж многолюдно.

Стол накрыли совместными усилиями, все как-то мигом напились, но не злобно, не противно, а забавно, задорно и весело. Магнитофон надрывался, телевизор пытался его перекрыть, все без передышки танцевали, пели, до праздничной полночи оставалось всего ничего, и Кира в этой суматохе едва не забыла позвонить бабуле и дедуле, а также дедушке Говорову, чтобы поздравить их.

Она улизнула в кабинет, чтобы поговорить с этими самыми близкими ей людьми без помех, да и передохнуть от непривычного шума, – и очень удивилась, когда обнаружила там какого-то незнакомого молодого человека, сидящего в уголке дивана и рассеянно листающего старый журнал.

Конечно, он явился в компании Катиных друзей, но Кира забыла, как его зовут.

– А вы кто? – растерянно спросила она.

Парень – стройный, очень хорошо одетый, с тонкими чертами лица – встал:

– Я – Эндрю Джеймс, аспирант Принстонского университета.

Ну, понятно. С первого звука слышно, что иностранец. Хотя говорит по-русски свободно, акцент не такой уж и сильный.

– Почему вы здесь?

– Я здесь на языковой практике. Наш гид, Кэтрин Камышева, пригласила нас на вечеринку, – ответил Эндрю.

Вообще-то Кира о другом спрашивала. Она имела в виду – почему он сидит один в кабинете и листает какой-то журнал, когда все веселятся, – но тут же подумала: наверное, у него, так же как у нее, разболелась голова от крика, музыки и гомона.

И еще подумала: симпатичный парень...

– Понятно, – кивнула она и протянула ему руку. – Катя – моя сестра. Я – Кира. А почему вы не танцуете?

– А вы? – спросил Эндрю.

– Да я там почти никого не знаю, – призналась Кира. – Я вообще привыкла встречать Новый год с бабушкой и дедушкой. Вот пришла позвонить, их поздравить. Ведь через пять минут уже Новый год!

– Через пять минут уже Новый год?! – смешно ужаснулся Эндрю. – Так почему мы здесь? Пойдемте встречать Новый год! А потом позвоните.

Он так улыбался, что Кире стало почему-то ужасно весело. Правда, очень симпатичный парень...

Ей было невдомек, что за минуту до ее прихода «очень симпатичный парень» пытался открыть сейф, стоящий в углу кабинета. Кира едва не поймала его на месте преступления, вот он и торопился ее увести. А впрочем, девушка ему понравилась. Высокая, большеглазая, спокойная, застенчивая, с прекрасными выющимися волосами, она ничуть не походила на сестру, эту вульгарную и крикливую Кэтрин. Та очень настойчиво и почти неприлично обхаживала Эндрю... А заодно и других молодых американцев. Такое впечатление, что ей все равно, кого из них затащить в постель. Может быть, она коллекционирует иностранцев в своей постели? Эндрю подумал бы, что Кэтрин работает по заданию всевидящего КГБ, однако вряд ли: слишком уж глупа и проста, хоть изображает из себя невесту что.

А эту Киру он и сам с удовольствием затащил бы в постель, уж очень миленькая. Ну, для начала он с ней потанцует, а потом... У него еще есть дела в России, важные дела, однако среди них вполне найдется место для приятной любовной интрижки. Тем более – с девушкой, которая живет в этом доме... К этому дому у Эндрю был особенный интерес.

Эндрю и Кира пошли в гостиную, и в это время из-за угла выглянул и посмотрел им вслед еще один гость. Звали его Егор Ковалев, и он дорого дал бы за то, чтобы узнать, зачем и почему этот американец уединился в кабинете. Кое-какие предположения у Егора были, однако проверить их помешала эта хорошенькая девушка. Если бы Егор не затесался в эту шумную компанию по долгу службы и не вынужден был следить за каждым шагом обаятельного американца, он и сам бы с удовольствием повел танцевать прелестную сестру Катерины Камышевой.

Один из приятелей Егора как-то раз сделал вывод из своего бурного любовного прошлого: «Все Катерины – шлюхи». Катерина Камышева под это определение вполне подходила. Просто удивительно, что у нее такая милая и скромная сестра! Впрочем, насколько знал Егор, у них разные матери, настолько разные, что одна живет в какой-то деревне Тюменской области, а другая сбежала в Лондон. Теоретически с этой Кирой надо быть поосторожней, однако она может оказаться полезной в том деле, которым занят сейчас Егор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.